

ПОМЕСТЬЕ

ЛЕЙКСЕДЖ

18+

ЛИНДАМ КЛИПСТОУН

Young Adult. Готическое фэнтези. Призраки на краю озера

Линдалл Клипстоун
Поместье Лейкседж

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Клипстоун Л.

Поместье Лейкседж / Л. Клипстоун — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Готическое фэнтези. Призраки на краю озера)

ISBN 978-5-04-160386-1

В мире есть монстры. Когда Виолета Грейслинг приезжает в поместье с привидениями Лейкседж, она ждет встречи с монстром. Девушка ищет подтверждения ужасным слухам о Роуэне Сильванане, юноше, который утопил всю свою семью в черном озере. Но поместье и монстр — не то, чем кажутся... В лесу есть монстры. Влюбившись в Роуэна, Виолета узнает о его связи с Лордом подземного мира, зловещим богом смерти, скрывающимся в черных водах. Богом, к которому девушку необъяснимо тянет... В тени есть монстр, и теперь он знает ее имя. Чтобы спасти возлюбленного, она должна противостоять тайне своего прошлого, которая связывает ее с богом смерти...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160386-1

© Клипстоун Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Первая глава	6
Вторая глава	12
Третья глава	19
Четвертая глава	25
Пятая глава	32
Шестая глава	39
Седьмая глава	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Линдалл Клипстоун Поместье Лейкседж

Все растения в Лейкседже – эндемики.

*В саду уж фиалки давно зацвели,
Иди к ним – таинственным, темным.
В лесу вечереет, качает цветы
Северный ветер холодный.
Но вспомни меня – я пытаюсь найти
Ту песню, что душу затронет.
А сердце мое пронзают мечи,
И броня их не остановит.*

– Д. Г. Лоуренс. Письмо из города: Серым Мартовским Утром

**Lyndall Clipstone
Lakesedge**

* * *

Henry Holt and Company, Publishers since 1866 Henry Holt® is a registered trademark of Macmillan Publishing Group, LLC 120 Broadway, New York, New York 10271 fiercereads.com

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2021 by Lyndall Clipstone. All rights reserved.

© Ускова К., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Первая глава

Монстры существуют. Они живут в лесу и выходят наружу по ночам. Ползут вдоль стен нашего дома. Проникают в грезы моего брата.

С последнего кошмара Ариена прошло больше недели, но я знаю, что сегодня они вернуться. Весь день меня преследовала уже хорошо знакомая тяжесть в воздухе. Я чувствую их приближение даже раньше, чем он.

Я долго не засыпаю. Свернувшись калачиком, лежу на узкой кровати в скромной маленькой комнате, которую мы делим с братом. Наблюдаю за ним. Жду. Уже за полночь. Даже с распахнутыми окнами этой ночью жарко и душно.

– Виолетта? – зовет он меня, вытянув руку. Его начинает охватывать тьма.

Тени текут сквозь его ладони широкими лентами и покрывают пол чернильным туманом. Его глаза стали полностью черными – они меняются, когда он грезит. Эти пустые глаза на его испуганном лице – словно ошибка. Ариен – нежный и милый. В нем не должно быть этой тьмы. Должно быть, он уже не в себе, и все же...

Пока над нами нависают заполняющие комнату тени, я придвигаюсь ближе. Сначала они похожи на дым, который сгущается все больше. Затем их становится так много, что весь свет гаснет, и остаемся только я, Ариен и густая тьма.

– Лета? – зовет он меня испуганным голосом, который вдруг меняется на протяжное рычание. – Лета, Лета.

Я беру его руку и начинаю дрожать. Ненавижу себя за это, но не могу остановиться. Тьма льется сквозь наши переплетенные пальцы, заслоняет лунный свет. Тени на коже ощущаются как мороз в суровую зиму, обжигающий холод.

Я вцепляюсь в Ариена, и шепчу ему: «Я рядом, рядом», и не отпускаю его, даже когда он злобно рычит и начинает меня царапать. Он царапает мне лицо, горло, руки. Я сдерживаю крики боли и, пока он не расцарапал меня еще сильнее, крепко его хватаю.

Дальше будет еще хуже. Я отталкиваю эту мысль и проглатываю ее до тех пор, пока во рту не появляется привкус меди и соли. Он мой брат. Он никогда, он не будет...

Появляются новые тени, более быстрые и жестокие. Пока они охватывают нас, я прижимаю Ариена к себе. Они как виноградные лозы, только с шипами. Я чувствую, как тьма

накрывает меня, чувствую, как она скользит и скользит по моей коже. Мой живот сжимается от страха, в горле застревает крик. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь говорить спокойно:

– Ариен, любовь моя, все хорошо, все в порядке.

Эти слова я повторяю уже бесчисленное количество ночей. С тех пор как начались эти грезы. С тех пор как мы переехали сюда.

Сейчас мое семнадцатое лето, а для Ариена оно тринадцатое. Мать нашла нас на дороге рядом с Вейрским лесом. Ариен был младенцем, а я – достаточно взрослой, чтобы назвать ей наши имена – Ариен и Виолетта Грейслинг – и сказать, что наши родители умерли, но больше не сказала ничего. Что же должно было случиться, что мы оказались в лесу посреди зимы... Я стараюсь не задумываться об этом.

Огонь, чтобы сжечь заразу. Искры, рассекающие ночное небо. Запах пепла. Деревья на фоне лунного света. Шепот в ветвях.

Я до сих пор помню, как рука Матери впервые коснулась моей щеки. Ее пальцы были испачканы краской с икон, которые она писала. Помню, как зимнее солнце сияло в ее волосах цвета кукурузы, когда она наклонялась ко мне. От нее исходил запах льняного масла.

Она взяла меня и Ариена за руки и отвела в свой дом.

«Это Леди послала мне вас», – сказала она однажды. Сначала это звучало совсем не грозно. Но прошло уже много лет. Теперь все по-другому.

Теперь все, что я знаю, это то, что я не могу позволить этой ужасной тьме захватить моего брата. Как бы мне ни было страшно, я должна защищать его.

– Это грезы, Ариен.

– Ты не сможешь остановить это, Лета. Ты не можешь...

Он выплевывает слова сквозь оскаленные зубы. Я еле сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть. Голос Ариена, то, как он борется со мной... это не он. Это не может быть он. Я должна помочь ему справиться с этим. Он должен вернуться. Я не позволю ему заблудиться в темноте.

– Это грезы, Ариен. Это не по-настоящему.

– Ты не сможешь это остановить.

Тени заполняют мой рот и легкие, я чувствую привкус дыма и пепла. Крепче обнимаю брата, вцепляюсь в него. Я отгоняю страх и представляю, что мы где-то в другом месте, снаружи, в нашем маленьком саду. Я думаю о солнце и цветах. Мои руки погружены в землю. Корзины полны вишни, которую я собирала всю неделю. Эта картина жива в моей памяти.

Я думаю об этом ради Ариена. Ко мне словно привязана веревка, другой конец которой держит его. Под моей кожей начинает разливаться тепло. Я думаю о садах и солнечном свете. Ни тьмы, ни теней, ни пустых, нечеловеческих глаза брата.

Медленно, медленно тени перестают исходить из его рук. Тьма расплзается по углам комнаты. Я задерживаю дыхание, пока она полностью не исчезает, а затем с тяжелым вздохом опускаюсь на Ариена.

Он касается моего запястья и быстро отстраняется, когда чувствует опухшие царапины.

– Я снова сделал тебе больно?

Я закрываю царапины ладонью.

– Ты ничего не сделал. Я в порядке.

Низкая луна за окном еле видна между сгущенными облаками. Она тускло освещает коллекцию камней, которые я держу на подоконнике. Я провожу пальцем по камню с золотым отливом. Он гладкий и тяжелый, идеально вписывается в изгиб моей ладони.

Я заставляю себя дышать ровно, желая, чтобы мое частое сердцебиение замедлилось.

– Ты не причинил мне вреда, – говорю я снова, пытаюсь успокоить Ариена, пытаюсь успокоить себя. – Все кончено, любовь моя. Теперь ты в безопасности.

Он начинает плакать. Громкие гневные рыдания эхом разносятся по комнате, по всему дому.

– Прости, Лета.

Я обнимаю его.

– Тебе не за что извиняться, – говорю я. И добавляю, зная, что это необходимо: – Но ты должен быть тише.

Он прижимается ко мне головой, пытаюсь заглушить звуки слез. Его волосы, рыжие, как у меня, падают ему на лицо. Я убираю их с его щеки.

Он сдавливает рыдания, а я тихонько шепчу ему на ухо:

– Пожалуйста, Ариен, тебе нужно остановиться. Она услышит тебя. Мать услышит тебя. Пожалуйста...

Он хватается мою руку, и я резко останавливаюсь. Своими пальцами он сжимает мои. Мы оба сидим тихо, но по коридору разносится эхо шагов и наша дверь распахивается с такой силой, что ударяется о стену. Мать врывается в комнату.

В отблесках фонаря она будто светится и отликает золотом. Ее кожа покрыта бледными веснушками, а волосы блестят от света пламени. Но ее красота резкая, полная острых граней. Какая бы мягкость ни была в ней, когда она впервые увидела нас – двух потерянных детей на дороге, – она давно исчезла. С тех пор как появились тени.

Она хватается Ариена за запястье, разводит его пальцы. Его руки все в черных пятнах. Тени, как всегда, прилипли к его коже. Отметки постепенно тускнеют и вновь темнеют, когда начинаются грезы. Их нельзя стереть, хотя Мать и заставляла его пробовать бесчисленное количество раз.

– Ариен.

Другой рукой она хватается его за подбородок и крепко держит до тех пор, пока он не встречается с ней глазами. На ее лице мелькает что-то похожее на грусть. Затем освещение меняется, и она вновь становится холодной.

– Только не снова.

Он пытается вывернуться из ее хватки, пока она тащит его прочь из комнаты. Я бросаюсь за ними.

– Отпусти его! Он ничего не может с собой поделать, ты же знаешь, он не может!

– Иди в постель, Виолетта, – бросает Мать через плечо.

В коридоре он пытается вырваться, и она крепче сжимает его руку. Я иду прямо за ними. Когда мы добираемся до кухни, его взгляд лихорадочно мечется между подвалом и входной дверью. В прошлый раз, когда это случилось, она заставила его спуститься вниз. Накануне она заперла его снаружи и оставила на всю ночь в саду.

Она думает, что если будет держать его в темноте, тени уйдут. Словно одна тьма уничтожит другую. Она перепробовала столько способов очистить его, но ни один из них не помог. Она убеждена, что его тени – свидетельство темной алхимии.

Но все, что я знаю о темной алхимии, – что она опасная и ядовитая и не может быть связана с Ариеном. Он – не зловещий мрак, не струящийся яд. Он мой брат, и я пойду за Ариеном, куда бы она его ни забрала. Я пойду с ним в темноту подвала. Я пойду в залитый лунным светом сад. Я останусь с ним и буду охранять его.

Но вместо того чтобы идти к выходу или к двери подвала, Мать тащит Ариена к алтарю Леди. Она выворачивает его руку, пока он не становится на колени, а затем зажигает свечи на полке. Они ярко вспыхивают одна за другой.

Леди создала мир. Она и есть мир. На всех картинах Матери она выглядит одинаково: золотая и блестящая, с бронзовой кожей и длинными распущенными волосами. На иконе изображена Леди, прижимающая пальцы к земле, растворяющаяся в свете, текущем через все сущее. Картина прекрасна. Но когда Ариен падает под иконой, по ней пробегает тень, и на мгновение золотые пальцы Леди кажутся когтями. Ее улыбка становится резкой.

Мать с силой подносит испачканные пальцы Ариена к огню свечей. Я хватаю ее за руку, пытаюсь отвести назад:

– Стой! Ты не можешь этого сделать!

Все происходит быстрее, чем вспыхивает фитиль. Она поворачивается ко мне, ее лицо напрягается, и она дает мне пощечину. Звук рассекает воздух, от внезапной боли мир вокруг исчезает. Я падаю на стол, прижимая руку к пульсирующей щеке.

Пока я пытаюсь избавиться от звона в ушах, Мать показывает мне почерневшие отметины на коже Ариена:

– Ты знаешь, что это за тьма, Виолетта. Подземный Лорд придет за ним.

– Нет, нет.

Свеча горит. Мать толкает Ариена вперед. Когда кончики его пальцев почти касаются пламени, он еле сдерживает крик.

Мать думает, что тьма в нем принадлежит Подземному Лорду – повелителю мертвых. Что тени призывают его к нам, словно к умирающей душе. Но Ариен такой добрый, такой хороший. Тени – всего лишь грезы. Он никак не связан с Подземным Лордом или магией Нижнего мира.

Я снова хватаю ее за руку.

– Он не какое-то отравленное поле, которое нужно выжечь!

– Лета, – тихо и отчаянно шепчет Ариен. – Лета, не надо.

Но я игнорирую его. Пусть Мать причинит мне боль – мне все равно. По крайней мере, тогда она оставит Ариена в покое. Я готовлюсь к новому удару и почти надеюсь на него, но вместо этого она отталкивает меня и прижимает руки Ариена к огню. Он закрывает глаза и шипит сквозь зубы. Я смотрю на них, чувствуя себя такой бессильной, такой злой.

Я должна что-то сделать. Она собирается жечь, пока его руки не очистятся. Она будет продолжать причинять ему боль, если я не заставлю ее остановиться.

На столе стоит стеклянное божество с горящей в центре свечой. Я хватаю его и с силой бросаю на пол. Оно разбивается на множество осколков, звук пронзает воздух.

Мать бледнеет, и ее губы сжимаются в резкую, яростную линию. С бушующим в глазах гневом она перешагивает через стекло и хватает меня за запястье. Ее пальцы впиваются в мою руку, оставляя свежие синяки на старых, оставшихся с последнего раза. Я позволяю боли захлестнуть меня, радуясь, что это я, а не Ариен.

Она толкает меня на пол.

– Вставай на колени.

– Что?

– На колени. Вниз.

Я смотрю на зазубренные осколки, брызги воска, дым от уроненной свечи. Ариен качает головой, выражение его лица одновременно и беспомощное, и разъяренное. По его щекам текут слезы, обожженные пальцы заправлены в изгиб рукава.

– Мама, стой!

Он запинается и, глядя на свечи, заставляет себя снова тянуться к огню.

– Я сделаю это, сделаю.

Как Мать может думать, что если будет причинять нам боль, то защитит? Если сейчас нам и надо от чего-то спастись, то не от Подземного Лорда, а от нее.

Я чувствую себя такой же сломанной и разрушенной, как разбитое стекло под нашими ногами. Но я не отрываю взгляда от лица Матери. Прежде чем она может вновь заговорить, прежде чем Ариен может успеть двинуться, я опускаюсь на колени. Одно колено, затем другое. Первый порез приносит пронзительную боль. Я кладу руки на пол и пытаюсь не издавать ни звука, пока нависаю над осколками.

Я не могу этого сделать.

Но я должна.

Стекло пронзает мои колени ужасной болью, которая проникает повсюду: в кончики пальцев, кожу головы, подошвы ног. Я вздрагиваю, но гордость удерживает меня. Ариен защищен от огня и подвальной темноты, от всего.

Мать и раньше причиняла нам боль, но так сильно – ни разу.

Она наклоняется и кладет руку мне на щеку, ее ладонь неуместно нежно касается того места, куда она меня ударила.

– Я пытаюсь защитить его, Виолетта. Я пытаюсь защитить тебя.

Ее лицо и голос мягки, словно ей искренне жаль видеть меня такой. И есть ужасная, предательская часть меня, которая хочет опереться на ее руку, позволить ей успокоить меня. На глаза наворачиваются слезы, но я моргаю, и они высыхают. Стиснув зубы, я смотрю на Мать, пока в мои колени врезается множество осколков.

Она смотрит на меня, не двигаясь, а затем встает и проводит руками по юбке. Она пересекает кухню, и ее шаги глухо звучат по коридору обратно в комнату. Скрипит защелка закрывающейся двери.

Когда мы остаемся одни, Ариен быстро тушит алтарные свечи. В воздухе витает дым. Он помогает мне отойти от осколков, и я сворачиваюсь калачиком на полу возле печи, прислонившись спиной к стене. В комнате витает сладко-горький запах от кастрюли, полной вишневого варенья, которое я приготовила. На полке наверху есть пустые кувшины, которые можно наполнить, когда заготовки остынут, – это наш вклад в деревенскую десятину на завтра.

Ариен приседает рядом со мной. Он колеблется, как будто хочет прикоснуться ко мне, но боится. Тьма исчезла из его глаз. Они такие же серебристо-серые, как и мои.

– Лета, мне очень жаль, – торопливо говорит он. – Я должен был остановить ее. Я должен...

Я поправляю край ночной рубашки.

– Можешь принести мне какую-нибудь ткань?

Пока его нет, я наклоняюсь, чтобы разглядеть порезы. Глубоко вдыхаю и начинаю вытаскивать осколки, застрявшие в моей коже. Один за другим кладу осколки на пол. Покрытое кровью стекло сияет – мрачная пародия на мою коллекцию полированных камней.

Ариен приносит мне лоскутки льняной ткани. Он берет с печи чайник и наполняет таз теплой водой с солью, смачивает ткань и прижимает ее к моему колену. Она быстро становится багровой, и его лоб встревоженно морщится. Он полощет ткань, складывает ее, чтобы скрыть пятно, и снова прижимает.

Пока он вытирает кровь, я сижу неподвижно. За кухонным окном листья яблони шевелятся и дрожат, словно пятна краски на мрачном ночном небе: черное на черном. Я чувствую холод, хоть у печи и должно быть жарко – от углей исходит тепло.

Приходит нежеланная мысль. Хочу найти что-то более сильное, чем я, достаточно сильное, чтобы забрать весь мой страх и мою боль. Что-то неподвижное, вроде огромного дерева, царапающего мне щеку грубой корой, когда я прислоняюсь к его стволу.

Я хочу к моей маме. Я хочу к моему папе.

Я помню большую теплую руку отца, обнимающую меня. Его осторожные пальцы убрали волосы с моего лба. Мама напевала Ариену, пока он спал в своей колыбели.

Я скучаю по ним и испытываю от этого ужасную боль.

Но теперь есть только я, подавленная, печальная и опустошенная, словно оставшаяся после бури грязь. И если я не буду достаточно сильна, чтобы защитить Ариена, то его никто не защитит.

Ариен начинает обматывать мои колени двумя длинными полосками ткани, перевязывая порезы.

– Больше не спорь с ней, – его голос слабо раздается в тишине комнаты. – От этого только хуже.

Я беру его руку и осторожно осматриваю его пальцы. Они покрыты выпуклыми бледными рубцами. Я слегка дую на его кожу, и он сдерживает слабую улыбку.

– Я не позволю ей причинить тебе боль, Ариен. Ни так, ни как-либо еще. Неважно, что она со мной делает.

– Лета, прошу тебя.

– Я буду стараться, – говорю я, обнимая его.

Он упирается щекой в мое плечо и подавленно вздыхает. До сегодняшнего вечера я знала, как защитить его от материнского гнева. Теперь нам предстоят ночи, полные грез, теней и пламени. Я пытаюсь придумать какой-то выход. Куда бы мы могли уйти, чтобы избежать этого ужаса. Но есть наш дом и Мать, и есть мир, необъятный и неизведанный, и нет ничего безопаснее, чем это место. Здесь я, по крайней мере, знаю, каким будет завтрашний день.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить, как все теперь будет. Представляю коридор, полный запертых дверей, стены с бесконечными алтарями, на которых горит множество свечей. И в центре всего этого – я, мои руки раскинуты, а за моей спиной стоит Ариен.

Я приму все – страх Матери, ее гнев, огонь и кровь. Пусть все обрушится на меня. Что бы ни случилось, я больше никогда не позволю ей причинить Ариену боль.

– Я позабочусь о твоей безопасности, – говорю я ему. – Я обещаю.

Вторая глава

Греймер в день десятины гудит, будто пчелиный улей. Воздух словно искрится от парящей в нем пылицы. Громкие голоса односельчан звучат как молитва. Мы с Ариеном идем сквозь толпу к деревенской площади. Все ждут, тяжело нагруженные мешками с зерном, корзинами с фруктами, рулонами аккуратно подшитой льняной ткани.

Мы занимаем свое место в конце очереди, и я наклоняюсь, чтобы поставить корзину на землю рядом с моими ногами. Выпрямляясь, я чувствую боль в коленях. Шиплю сквозь зубы, и Ариен смотрит на меня с беспокойством.

– Все хорошо. – Я смотрю на лежащие в корзине банки с заготовками. – Я в порядке.

Сегодня утром из порезов все еще сочилась свежая кровь. Осколков стекла было так много и они вошли так глубоко, что я не знаю, все ли я вытащила. Я перевязала колени и надела свои самые толстые шерстяные чулки, чтобы скрыть повязки.

На противоположной стороне площади я замечаю Мать. Она стоит у алтаря рядом с хранителем деревни. На земле расстелен холст, а рядом аккуратно разложены все ее кисти и краски. Она с благоговением водит ладонями по иконе, проверяя потертости. Мать будет работать весь день, чтобы отреставрировать ее, как делает это каждый сезон. Добавляет цвета, выравнивает, лакирует и облачает в деревянную раму.

Позже, когда солнце сядет, мы все соберемся в круг у алтаря, прижимая руки к земле – отдавая дань уважения Леди.

Ариен касается моей руки, чтобы привлечь внимание.

– Лета? Я тут подумал... – Он наклоняется и понижает голос: – Что, если после десятины мы не вернемся домой? Что, если мы никогда не вернемся назад? Ты же знаешь, Мать не сможет нас остановить.

Он трет свои покрытые волдырями пальцы, затем его взгляд падает на мои перемотанные колени. Я заставляю себя улыбнуться.

– Может, нам построить дом на самом высоком дереве в лесу? Я сделаю нам лоскутное одеяло из одуванчиков и приготовлю на ужин рагу из поганок. А птицы будут расчесывать нам волосы.

Ариен морщит нос, как всегда, когда я его дразню.

– Я серьезно.

– Куда мы пойдем, если сбежим?

Это слово странно ощущается во рту. Мы впервые произносим его вслух.

– Мы могли бы остаться здесь, в деревне.

Эта мысль вспыхивает в моей голове. Я смотрю на здания, окружающие площадь. Хижина целительницы с соломенной крышей и цветочными клумбами под окнами. Магазин с бочками муки и рулонами ткани. Мы могли бы в нем работать. Я бы взвешивала сахар, пока Ариен измерял бы ткань. Или могли бы помогать в саду целительницы. Ухаживать за ее цветами, собирать лепестки и листья, которые она использует для лекарств.

Когда я думаю о том, что чувствовала прошлой ночью, смотря на руки Ариена в огне, я хочу остаться в деревне. Хочу. Но все здесь относится к нам с подозрением. Они знают, как Мать нашла нас и как наши жизни были омрачены смертями. *Заметив тебя однажды, Подземный Лорд уже не забудет твоего имени.* Это то, во что люди верят. И если бы они узнали об Ариене, о тенях...

Грезы Ариена не похожи на магию алхимиков, которые черпают золотую силу, принесенную Леди в этот мир. Их магия – свет. Его кошмары, полные оживающих теней, больше похожи на силу, исходящую от Подземного Лорда. Но Ариен не такой, он не темный и не ужасный... Тем не менее, как только кто-то услышит его крики или увидит, что его глаза темнеют, он именно так и подумает. Они назовут его отравленным. Они будут его бояться.

– Я обещала защитить тебя. – Я смотрю на свои потертые пыльные ботинки. Я не могу заставить себя посмотреть на Ариена, на робкую надежду в его глазах. – Я не знаю, будешь ли ты в безопасности в деревне.

– Тогда мы поедem куда-нибудь еще, куда-нибудь подальше.

– Не знаю. Может быть.

Ариен разочарованно вздыхает. Очередь начинает двигаться, и, когда мы идем вперед, я наклоняюсь, чтобы поднять корзину.

Из дома на другой стороне площади выходит женщина. Ее взгляд скользит поверх толпы, а потом опускается на землю. Она что-то достает из банки. Горсть соли. Женщина с силой швыряет ее на улицу, затем проводит по груди перемазанными в соли пальцами. Два пальца слева направо – по линии ее сердца. Символ Леди: защита от тьмы.

– Почему она это сделала? – осторожно спрашивает Ариен.

Я внимательно вглядываюсь в толпу. Но они не обращают внимания ни на нас, ни на что-либо еще. Ощущается смутное нервное потрескивание, в воздухе витает беспокойство. Как перед бурей.

Все одеты в самую лучшую одежду. Начищенные сапоги, льняные рубашки, заколки, платья с тонкой вышивкой. Мы собирались как на праздник. И так и есть. По крайней мере, так должно быть. Но в очереди, где мы стоим, люди тревожно перешептываются друг с другом. В домах по краям площади открываются новые двери. Другие люди тоже рассыпают соль над порогом. Целительница натянула на окна гирлянды из розмарина и шалфея.

– Ты слышала? – говорит девушка, которая идет вдоль очереди с листом пергамента и ручкой в руках. У нее дубово-коричневая кожа и облако красивых кудрявых волос, которые она убирает с лица, прежде чем нерешительно взглянуть на стоящих рядом людей. Ее голос переходит на шепот:

– Лорд Сильванан здесь. Он сам пришел за десятиной.

– Лорд Сильванан?

Меня охватывает нервная дрожь.

– Здесь? Он никогда не приходит на день десятины.

Последний раз мы собирались здесь на десятину шесть лет назад, когда настала наша очередь платить ее Сильвананам – владельцам всей земли в долине. Тогда бояться было нечего.

Лорд, приехавший на день десятины, был старше Матери. Он был высоким и красивым, с аккуратно завязанными назад темными волосами. Он помог людям упаковать все свою телегу, чтобы доставить обратно в поместье. Потом он медленно прошел по площади и с благодарностью посмотрел на деревню. В уголках его глаз появились морщинки, когда он улыбнулся Ариену и мне, пробежавшим среди кучки детей.

Но теперь у нас новый лорд. Его сын. Потому что сразу после нашего последнего дня десятины умерла вся семья Сильванан. Все, кроме него, нового лорда.

Потому что он убил их.

Его родителей, его брата, всю его семью. Он топил их одного за другим в озере за их поместьем.

Говорят, что его отца нашли лежащим на берегу, бледным и неподвижным, как будто из него вылили всю кровь. Горло его матери запуталось в осоке, натянутой так сильно, что она оставила порезы на коже.

– Да. Возможно, он уже здесь.

Девушка делает паузу и оглядывает толпу вокруг нас, а затем проводит пальцами по груди.

– Моя деревня находится рядом с его поместьем. У нас там для него есть особое имя.

– Калатея?

Легко преодолевая расстояние, мужчина проходит сквозь толпу. У него такая же дубово-коричневая кожа и черты лица, хотя он собрал свои кудри в узел, все пряди до единой.

– Тея, что я тебе сказал?

– Заниматься списком и не отвлекаться.

Тея огорченно наклоняет голову. Она заглядывает в нашу корзину и быстро вычеркивает ручкой несколько строк на пергаменте.

– Извини, отец. Они были последними.

Он тяжело вздыхает.

– Тебе нужно было уже закончить, вместо того чтобы тратить время попусту. Нам еще нужно все подготовить все для доставки обратно в Лейкседж.

Он берет ее за руку и притягивает ближе к себе, его голос становится ниже:

– Я не хочу оставаться здесь дольше необходимого. Не хочу быть рядом с *ним*.

– Я не хотела медлить. Я помогу тебе загрузить корзины, когда они будут готовы.

– Нет. Постой там, чтобы не влезть в неприятности.

Отец начинает уводить Тею от нас к фургону.

– Подожди, – кричу я ей вслед, когда она уходит. – Как зовут лорда Сильванана в твоей деревне?

Тея оборачивается к нам.

– Лейкседжский монстр.

Солнце все еще высоко над деревьями. На моей шее выступил пот, а на носу появилась полоса ожога от солнца. От колючих шерстяных чулок мне слишком жарко, ноги чешутся. Но после ее слов я начинаю дрожать.

– Тея. Хватит, – с напряженным лицом бормочет отец ей на ухо.

Опустив глаза, она идет к фургону. Но, устроившись на сиденье, он похлопывает ее по колену, утешая.

Странное, болезненное чувство заполняет мою грудь, когда я смотрю на Тею и ее отца, потому что вспоминаю своего отца. Его сильные руки, обветренные после работы в саду, но все еще нежные, когда он касается меня. Если бы он был здесь, он бы нас защитил.

– Лейкседжский монстр, – говорю я тихо, почти шепотом. Вкус слов подобен дыму и тьме.

Ариен подходит ко мне.

– Ты видишь его?

Я встаю на цыпочки, чтобы заглянуть вперед людей. Возле алтаря в тени двух высоких сосен установлен стол, на котором будут разложены десятины. За ним стоит женщина в длинном расшитом платье. Ее серебристые волосы зачесаны назад с загорелого лица и заплетены в хвост, который распускается волнами, ниспадая каскадом по спине.

– Его там нет.

– Может, он как лесной волк.

Ариен указывает на лес, где между деревьями лежат густые тени.

– И он не может выходить на улицу при дневном свете.

– Это неправда. Это просто сказки.

Но то, что произошло в поместье Лейкседж, тоже не похоже на правду. Запертый и почти пустой дом. Убита целая семья.

Желудок завязывается узлом, который затягивается все сильнее. Я не могу перестать вглядываться в толпу. Когда солнце садится, тени от сосен по краям площади ползут по земле дальше, удлиняясь. Каждая смена света и тени заставляет меня подпрыгивать. Я жду, что повернусь и увижу монстра прямо здесь. Как будто я вызвала его, когда произнесла его имя.

Ариен рядом неподвижен и тих. Его лицо начинает бледнеть.

– Что случилось? Ты боишься лорда Сильванана? Я не вижу его. Может, его даже здесь нет.

– Нет.

Он обнимает себя руками.

– Все в порядке. Я в порядке.

Его кожа выглядит бескровной, почти белой.

– Ариен. Что случилось?

– Я не...

Он качает головой, затем поворачивается и быстро уходит, не сказав больше ни слова.

Я ошеломленно моргаю. Мне нужно всего лишь мгновение, чтобы собраться и последовать за ним. Но когда я выхожу на площадь, то уже не вижу его.

Я проскальзываю между рядами зданий. Жар полуденного солнца, нагретого грубые каменные стены, обдаёт мое лицо. Я прохожу мимо магазина. Мимо хижины целительницы. В пыли остались следы размером с сапоги Ариена. Смазанные, словно он бежал. Шум толпы стихает, я слышу ее все меньше и меньше. Я уже за пределами деревни, на цветочном поле. Пчелы выются вокруг белых ульев. А дальше – деревья.

Лес. Ариен ушел в лес.

Вейрский лес простирается от Греймера до нашего дома. Я знаю эти леса. Я вижу их каждый день. Но мне никогда не нравилось туда заходить. Недалеко отсюда Мать нашла нас много лет назад.

Когда я прохожу границу леса, мои ботинки проваливаются в густой подлесок. Воздух проходит сквозь листья, словно шепот.

– Ариен?

Я смотрю вперед, но там только деревья, потом еще деревья, а затем – темнота. Густо сплетенные ветви закрывают полуденное солнце.

– Ариен, ты здесь?

Наконец мои глаза привыкают, и я вижу его – бледная кожа, огненно-рыжие волосы. Он далеко, за рядком близко посаженных кедров. Бледный, с широко распахнутыми глазами, подавленный молчаливым ужасом. В его ладонях уже начали клубиться тени.

Я бегу к нему. Ветки цепляют меня за юбку и царапают щеки. Тьма ползет вверх, и его зрачки расширяются. Его глаза становятся черными.

– Лета?

Я хватаю его за руки. Они уже такие холодные. Я не понимаю. Никогда раньше тени не появлялись так. Всегда ночью. Не в центре деревни, в дневном свете, во всей этой яркости и среди зеленых листьев. Только не так.

Меня охватывает ужас. Не сейчас, не здесь. Он не может, не может. Несложно представить, что произойдет, если кто-то увидит нас прямо сейчас. Его пустые черные глаза. Тени. Они подумают, что он чудовище.

Я беру его за запястье, и он вздрагивает. Я сжала его слишком сильно в том же месте, где Мать оставила синяк прошлой ночью. Быстро разжимаю пальцы, но не отпускаю Ариена.

Я думала, что достаточно хорошо знаю то, что преследует моего брата. У этого были границы времени и пространства: только ночью, только в нашей комнате. Но теперь все изменилось. Это что-то новое. Так не должно быть.

Тени поднимаются и окутывают нас. Темный лес становится еще темнее. Я стараюсь думать о теплых вещах. Солнечный свет. Пчелы на виноградных лозах. Каково это – соблюдать обряд, когда мы кладем руки на землю и чувствуем золотой свет, который пронизывает весь мир. Но здесь слишком холодно, слишком темно.

Это должна быть всего лишь ночная греза, но нет. Мы в лесу, днем, и вокруг нас тени.

– Ариен!

Я впираюсь в его руку пальцами. Он издает резкий, обиженный звук.

– Ариен, призови их, призови обратно.

Я впервые произношу эту ужасную мысль вслух: что тени могут быть чем-то, что он может контролировать. Я так долго держала эту мысль взаперти и прятала вглубь себя. Но теперь она вырывалась наружу.

Я чувствую, как сухожилия на его запястье натягиваются. Тени ползут по моему лицу и попадают в рот. От их вкуса горло горит. Мне до боли холодно. Я потерялась в темноте. Есть только звук нашего дыхания. Постоянная пульсация боли в моих порезанных коленях. Влажное тепло, когда сквозь повязки просачивалась свежая кровь.

Медленно я убираю пальцы с запястий Ариена. Я беру его лицо в руки. Пытаюсь придумать, что сказать, чтобы его успокоить, но не могу. Поэтому я просто держу его. Я представляю заливающий поляну солнечный свет. Я вдыхаю аромат нагретой земли, который исходит от травы за лесом. Провожу большими пальцами по щекам брата.

– Призови их, Ариен, – шепчу я. – Заставь их остановиться.

Он стоит очень тихо. Проходит много времени, прежде чем тени начинают рассеиваться; он сгибает руки, и все окончательно исчезает. Тьма исчезает из его глаз, и они снова становятся серыми. Я отпускаю его. Он запрокидывает голову и прерывисто вздыхает.

Все кажется неправильным. Как будто земля вот-вот расколется подо мной.

– Что это было? Ариен, почему это случилось сейчас?

– Я не знаю.

Он бьет ногой по земле, разбрасывая листья. Затем протискивается мимо меня и направляется к тропинке.

– Давай. Скоро наша очередь отдавать десятину.

Мы молча идем обратно в деревню. Когда мы походим к площади, очереди уже нет. Все остальные отдали свою десятину. Я беру нашу корзину с земли, где я ее оставила, и быстро иду к столу. Женщина с серебряными волосами ушла. Ариен и я здесь одни.

Сосны вокруг стола темны, а за ними мерцает свет. Вдруг от деревьев отделяется тень. Она принимает форму мужчины. Разноцветные полосы – серый, черный, серый, черный – скользят по нему, пока он пересекает расстояние между нами. Я сразу узнаю его.

Монстр. Мой рот формирует слово, но я не издаю ни звука. Он не лесной волк. Не одно из свирепых и ужасных существ из моих сказок, с когтями, клыками и слишком большим коли-

чеством глаз. Лейкседжский монстр – мальчик с длинными темными волосами и красивым острым лицом. И почему-то это только усугубляет ситуацию.

Он молод – старше меня, но ненамного. Его волосы спускаются до плеч – нижняя половина ниспадает волнами, а верхняя перевязана длинным черным шнурком. Даже в летнюю жару он носит тяжелый плащ, перекинутый через плечо. Все его лицо в шрамах. От лба до челюсти – ряд зазубренных отметин.

С бесстрастным лицом он осматривает меня с ног до головы.

– Что вы мне предложите?

Его слова – словно холод в середине зимы. Свет мерцает, и на мгновение я что-то замечаю краем глаза.

Вспоминаю давний голос в морозном лесу. Вопрос, который он тогда прошептал мне на ухо.

Что ты можешь мне предложить?

Я закусываю губу и возвращаюсь в настоящее.

– Ничего. Я-я не...

Ариен забирает у меня корзину и кладет ее на стол:

– Вишня. Это наше приношение. И алтарь починен.

Монстр смотрит туда, где Мать собирает краски. Деревянный каркас алтаря покрыт новым лаком. На полке внизу зажжены свечи, заливающие икону светом.

Я хватаю Ариена за руку, чтобы увести его.

– Ждать.

Сапоги монстра врезаются в землю. Он подходит ближе.

– Оставайтесь на секунду.

Я встаю перед Ариеном. Мои ладони напряженные и влажные от пота, но я распрямляю плечи и встречаю темный взгляд монстра.

– У нас для вас больше ничего нет.

– О?

В его движениях есть что-то дикое. Он как лиса, преследующая зайца.

– Я думаю, что есть.

– Нет, нету.

Монстр протягивает руки. На нем черные перчатки, а манжеты его рубашки туго затянуты на запястьях. Он кивает Ариену и выжидающе смотрит:

– Давай, покажи мне.

Ариен протягивает к монстру руки. Пальцы моего брата, обгоревшие прошлой ночью алтарными свечами, теперь потемнели.

Монстр бросает на меня взгляд.

– Это не ничего, не так ли?

– Это...

Он снова поворачивается к Ариену, и выражение его лица становится еще более диким.

– Скажи мне, как ты получил эти отметины?

Ариен беспомощно смотрит на меня. Это все моя вина. Я обещала защитить его. Я ощущаю горячий порыв страха и ярости. Протискиваюсь между ними, пока не оказываюсь прямо напротив монстра. Потертые носки моих ботинок против его начищенных.

– Наша мама – художница. Это пятна от краски.

Он холодно смотрит на меня сверху вниз. Он красив, но что-то с ним не так. Что-то приторное, словно сладко-горький запах сахара на кухне прошлой ночью. Между шнурками воротника его рубашки на его шее виднеется что-то темное. Я с ужасом наблюдаю, как все вены на его шее становятся ярче, проступая под кожей словно полосы чернил.

Затем я моргаю, и все, что я видела – все, что я думала, что видела, – исчезает.

Рот монстра изгибается в слабой улыбке.

– Мне жаль.

Ничего ему не жаль.

– Очевидно, я ошибся.

Все, что я хочу сделать, это схватить Ариена и убежать, но я заставляю себя оставаться на месте. Я сжимаю пальцы в кулак.

– Так и есть.

Он грубо снимает перчатки и бросает их на землю к ногам Ариена:

– Не потеряй.

Он уходит, не бросив ни на кого из нас ни единого взгляда. Его недавно обнаженные руки глубоко засунуты в карманы плаща.

Ариен наклоняется, чтобы поднять перчатки, и быстро натягивает их. Как бы долго я ни смотрела на него, он не смотрит на меня в ответ. Вместе мы идем через площадь, чтобы присоединиться к толпе, собравшейся у алтаря. Мы становимся на колени и упираемся руками в землю.

– Ариен, – бормочу я. – Днем, в лесу...

– Пожалуйста, забудь об этом. О лесе. О побеге.

Он поворачивается лицом к иконе, к золотым свечам.

– Обо всем.

Мы начинаем петь летнюю молитву. Я закрываю глаза и вдавливаю пальцы в землю. Когда меня заливают светом, я пытаюсь погрузиться в тепло и песню. Но все, о чем я могу думать, это то, что сейчас в этом мире не может быть места, где мой брат был бы в безопасности.

Третья глава

Когда мы возвращаемся, солнце уже почти село. Мать идет в дом, а мы с Ариеном остаемся в саду. Вечернее небо безоблачно, бескрайне. Ветви сада шелестят на ветру, и воздух наполнен зноем. Я прохожу через ряды летних трав, вдыхаю аромат шалфея и крапивы, а мои юбки скользят по листьям. Ариен следует за мной.

Заходим в колодезный домик. Внутри тускло, лишь немного света проникает сквозь щели в стенах. Я поднимаю тяжелую деревянную крышку и вытаскиваю ведро из воды. Этот момент всегда немного жуткий. Эта пустота между нами и водой. Глубокий тихий колодец с пятнами ряби далеко внизу.

Я умываю запотевшее лицо. Ариен снимает перчатки и держит их, скомканные, в кулаке.

Он выглядит выжатым. Его лицо бледное, а глаза уставшие. Я кладу руку ему на шею, и он вздыхает, опираясь на мою холодную ладонь.

– Мы все еще можем сбежать, – мой шепот эхом разносится во тьме. Звук задерживается. *Сбежать. Сбежать. Сбежать.*

Он качает головой, затем набирает немного воды и брызгает ей на лицо. Вытирает руки о брюки и снова натягивает перчатки.

– Я сказал тебе забыть об этом.

Я снова наполняю ведро и со вздохом отцепляю его от веревки, чтобы отнести на кухню. Мы молча идем через сад обратно, Ариен шагает впереди меня. Он так сильно вырос за последние несколько месяцев. Его рубашка плотно облегает плечи, хотя я только что расшивала ее. Он очень похож на нашего отца – высокого и худощавого, а я похожа на мать – гибкую и мягкую.

Ко мне приходит воспоминание, размытое, как угасающий солнечный свет. Наш отец за работой в саду. Его рукава закатаны до локтей, руки в земле. Наша мама с корзиной срезанных цветов в руках. Когда я думаю о них вот так, это вызывает странные чувства: и утешение, и боль.

Перед тем как зайти в дом, я на мгновение закрываю глаза и позволяю этому образу задержаться в голове.

На кухне за столом стоит Мать. Ее руки крепко сжимают спинку стула, как будто она ждет, пока кто-нибудь сядет. Наши глаза встречаются, и она сжимает руки до тех пор, пока ее костяшки не белеют. У нее дикое выражение лица – на нем смесь страха и гнева.

– Виолетта. Ариен. Что случилось сегодня в деревне?

Мои ботинки цепляются за половицы, когда я резко и внезапно останавливаюсь. Ведро наклоняется. Вода плещется и проливается мне на юбку. Ариен берет его у меня и осторожно ставит на пол. Мы смотрим друг на друга. Он открывает рот, но я отвечаю быстрее, чем он успевает заговорить:

– Ничего такого. Ничего не случилось.

– Правда?

Голос доносится из другого конца комнаты. Голос, который я слышала совсем недавно.

– Я так не думаю.

Инстинктивно я толкаю Ариена к себе за спину. У дальней стены стоит монстр. Он вне досягаемости даже слабого свечения печи. Алтарь с зажженными свечами за его спиной закрывается его тенью. Он всего лишь силуэт, его лицо скрыто за спущенным капюшоном плаща.

Монстр здесь.

– Мы ничего не сделали. Я уже сказала вам...

Он поднимает руку:

– Не лги. Я видел вас двоих в Вейрском лесу. Я видел тени твоего брата.

Кажется, что мир накренился и все перевернулось. Он видел. Он знает.

Мать смотрит на Ариена широко распахнутыми глазами.

– Что вы наделали?

Ее лицо бледнеет, когда она поворачивается к монстру.

– Мне жаль. Я пыталась его исправить. Но в нем столько тьмы. Слишком сильной тьмы.

– Вот поэтому я и здесь, – едко говорит монстр. – Мне нужна эта тьма.

– Вы хотите, чтобы он поехал с вами в поместье Лейкседж?

Голос матери дрожит, она нервничает сильнее, чем когда-либо.

– Да.

Мои ногти врезаются в ладони.

– Ариен никуда с вами не пойдет.

Ариен бросает на меня предупреждающий взгляд:

– Лета, он наш лорд.

Во мне поднимается гнев, точно так же, как это было в деревне, когда монстр впервые увидел руки Ариена. Перед глазами мерцают искры.

– Вы хотите, чтобы он пошел с вами туда, где вы убили всю свою семью?

Монстр издает краткий рык.

– Достаточно! Слушай, я все объясню. Либо Ариен пойдет со мной, либо я вернусь в Греймер и расскажу о том, что видел. Когда солнце сядет, вся деревня узнает об этом.

Все узнают. Холодный пот покрывает мою кожу, когда я представляю, как Ариен тащится к алтарю в Греймере. Все свечи горят, его пальцы зажаты над пламенем.

Ариен смотрит на свои руки, на перчатки, которые дал ему монстр. Он сделал это не по доброте. Он просто хотел дать Ариену время сбежать из многолюдной деревни, чтобы он мог угрожать ему, пока никто не слышит. Чтобы он мог забрать его.

– Ты долгое время скрывал это, не так ли?

Голос монстра – словно клинок.

– Ты был так напуган. Теперь тебе не придется прятаться, только не со мной. Я могу тебе помочь.

Ариен прикусывает край губы, и там, где зубы ее царапают, остаются малиновые отметины.

– Вы поможете мне? Как?

– Ему не нужна ваша помощь!

Я осматриваю комнату в поисках выхода, всего, что может остановить это. Но выхода нет, нам некуда идти. Выражение лица Ариена – это самое худшее. Он боится. Но вместе со страхом мелькает краткая вспышка тоски. Часть его хочет этого. Ее привлекает предложение помощи от монстра.

Ариен глубоко вздыхает, словно набирается храбрости.

– Если я пойду с вами, что насчет Леты?

Наступает тишина. Когда монстр наконец отвечает, каждое его слово похоже на укусы:

– Она мне не нужна. Только ты.

Вытянув руки по бокам, я делаю шаг к нему. Мне страшно, но я не могу позволить Ариену столкнуться с этим в одиночку.

– Он мой брат. Куда он, туда и я.

Монстр не двигается. Он стоит так неподвижно, что можно поверить, что это просто еще одна тень.

Я стою перед ним – шершавые руки и платье, пропитанное колодезной водой. Я ничего не могу ему предложить. На мгновение я задаюсь вопросом, не следует ли мне быть мягче, когда я обращаюсь к нему с просьбой. Но во мне нет ничего мягкого – есть только резкость моего голоса и руки, которые все еще сжаты в кулаки.

Я иду вперед. Монстр отводит свой хмурый напряженный взгляд и отворачивается от меня. Он хочет забрать Ариена и при этом даже не смотрит на меня. Я хватаюсь за его плащ там, где он пересекает плечо, обвязываю тканью кулак и с силой тяну.

– Проклятое существо! Я не позволю тебе этого сделать!

– Виолетта!

Мать выходит вперед, ее щеки горят от ярости.

Ариен проталкивается вперед, с грохотом опрокидывая стул. Его взгляд отчаянно мечется между Матерью и монстром.

– Пожалуйста, нет! Не трогай ее!

Монстр грубым движением снимает мои пальцы со своего плаща. Его руки крепко обвивают мои запястья. Мы так близко друг к другу, что я слышу прерывистый ритм его дыхания.

Я смотрю в его темные глаза.

– Я хочу пойти с вами.

– Ты последний человек, которого я хочу видеть рядом со собой.

Затем он смотрит на мои руки и замолкает. Мои рукава закатаны, обнажая синяки на моей бледной коже. Размазанные, как будто они были нарисованы кистью. Некоторые свежие, распускающиеся, как темные лепестки. Остальные блеклые, лишь слабые намеки на пальцы, которые давили и щипали.

Его хватка ослабевает, но он не отпускает меня. Мы стоим рядом – оба молчим, мои глаза прикованы к его лицу. *Возьми меня с собой.*

Слабый стук ветвей яблони в окно – единственный звук в тишине комнаты. Монстр отпускает мои запястья и молча проходит тяжелыми шагами мимо меня. Он сбрасывает капюшон и наклоняется, так что его лицо находится на уровне лица Матери. Она вздрагивает.

– Они оба пойдут со мной, – тихо говорит он, затем выпрямляется и поворачивается к ней спиной. Кивает подбородком в сторону дверного проема, ведущего в остальную часть дома: – Идите и соберите свои вещи. Я подожду снаружи. Поторопитесь.

Монстр идет прочь, и когда он быстро выходит на улицу, его плащ превращается в полуночную волну. Он захлопывает за собой дверь. Удар тяжелый, резкий и окончательный. Мое сердце колотится, стучащая в ушах кровь заглушает все вокруг.

Ариен со страхом смотрит на меня:

– Лета, тебе не следовало этого делать.

Я давлюсь недоверчивым смехом:

– Нет, не следовало.

Ариен начинает мять свой рукав. Я кладу руку поверх его, но его пальцы все еще тревожно двигаются.

– Я не позволю ему причинить тебе боль, Ариен. Что бы ни случилось.

Мать приближается к нам, в воздухе витает аромат льняного масла. Я думаю о том, как она взяла меня за руку и держала Ариена на руках. То, как она привела нас сюда, в дом. Сначала она была добра, но ее забота о нас угасла, как потухший костер превращается в серый пепел.

– Мне очень жаль, – говорю я ей.

Она поднимает руку, как будто хочет прикоснуться ко мне. Мои колени болят, и на единственный ужасный момент мне кажется, что я сейчас заплачу. Затем рука опускается, и выражение ее лица становится жестким.

– Вы ведь не знаете, что натворили?

Она смотрит на закрытую дверь и холодно улыбается.

– Этот монстр – он заслуживает вас обоих. И вы его заслуживаете.

Мы с Ариеном поспешно складываем одежду и выходим на улицу. Монстр ждет нас, но он не один – с ним женщина с серебряными волосами из деревни, она держит поводья двух лошадей.

Должно быть, она на него работает, поэтому она была в Греймере и помогала собирать десятину. Теперь я замечаю, что она носит связку ключей и серебряную звезду на длинной цепочке на шее. Так же, как наш хранитель в деревне.

Монстр стоит рядом с ней. Они погружены в тихий, настойчивый разговор. Но когда они замечают Ариена и меня, то замолкают. Монстр начинает беспокойно шагать по дороге, его ботинки сердито топчут пыль. Женщина медленно поворачивается к нам, и ее лицо хмурится.

– Seriously? Это он? Он всего лишь ребенок.

– Мне тринадцать.

Ариен скрещивает руки на груди.

– Я не ребенок.

Монстр останавливается и вздыхает:

– Да, Флоренс. Это он.

Он разводит руками, как будто предлагая ей возразить. Она молчит, но ее взгляд задерживается на Ариене, и она качает головой, явно неуверенно. Затем она смотрит на меня и выглядит еще более сбитой с толку.

– А с ней что?

Я закидываю ремень сумки повыше на плечо. Они говорят об Ариене и обо мне так, как будто нас здесь нет.

– Я его сестра.

Ее бледно-зеленые глаза сужаются.

– Так ты тоже?

Монстр перебивает ее:

– Забудь о ней. Она никто.

Он подходит к одной из лошадей, расстегивает рюкзак, пристегнутый к седлу, и достает еще одну пару перчаток. Он надевает их, крепко затягивая на запястьях.

– Пошли. Я уже потратил здесь достаточно времени.

Флоренс обнимает Ариена за плечи и ведет его к одной из лошадей. Она помогает ему подняться, а затем ловко забирается в седло позади него. Никто из нас раньше не ездил верхом. Ариен, сидя на спине лошади, выглядит очень маленьким.

Затем Флоренс шелкает поводьями, и они с Ариеном уносятся прочь. На дороге остаётся лишь облако пыли, которое становится все меньше. Я остаюсь одна. Наедине с монстром. Его острые черты лица искажаются, когда он смотрит на меня. То, как он меня описал – *никто*, – все еще раздражает.

– Я поеду с вами?

Он откидывает капюшон своего плаща, проводит рукой в перчатке по своим длинным волосам.

– Если только ты не предпочитаешь остаться.

Я быстро качаю головой и смотрю на лошадь. Она огромная, с неизмеримо глубокими влажными глазами. Она беспокойно переминается на подкованных серебром копытах. Я вижу концы вбитых в них гвоздей, которые удерживают подковы на месте.

Я неуверенно касаюсь ее бока. Мышцы, ребра и тепло движутся по моим пальцам, пока лошадь глубоко дышит.

Монстр многозначительно смотрит на меня. Меня охватывает страх при мысли о нас двоих, прижатых друг к другу во время езды.

– Вы должны помочь мне забраться.

Он протягивает руку. Я складываю юбки, и он с презрением смотрит на мои грязные ботинки. На его рубашке из темного льна под плащом нет ни единой складки. Его собственные ботинки начищены до тусклого блеска. Я с силой наступаю ему на руку, когда он помогает мне, в надежде, что измажу ее пылью как можно сильнее.

Он искоса смотрит на меня, а затем смеется – мрачным, недоверчивым смехом.

– Почему ты носишь шерстяные чулки посреди лета?

Я хватаю юбку и натягиваю подол, чтобы прикрыть колени.

– Почему вы в зимнем плаще?

Он игнорирует мой вопрос, но рассеянно тянется к воротнику своего плаща, поправляя застежку на плече. Затем он садится на лошадь позади меня. Сжимая поводья в одной руке, он обнимает меня за талию. Я непроизвольно втягиваю воздух и максимально отклоняюсь от него. Он подгоняет лошадь. С дороги поднимается песок, и я задыхаюсь от пыли.

С каждым движением лошади, каждым толчком мне кажется, что я вот-вот упаду. Меня удерживает на месте только крепко обнимающая рука Монстра. Я чувствую жар его груди на своей спине, его грубое дыхание шевелит мои волосы.

Солнце продолжает садиться, и закат малиновыми полосками просвечивает сквозь деревья. Сумерки разливаются по лесу сияющим блеском и темно-коричневыми тенями. Мы преодолеваем поворот дороги, и далеко впереди я вижу Ариена и Флоренс.

– Что вы имели в виду, говоря, что поможете моему брату? – спрашиваю я у монстра. – Что вам от него надо?

Я поворачиваюсь, пытаюсь увидеть его лицо, и вздрагиваю. От последней вспышки солнечного света его кожа окрашена в красный, он словно залит кровью.

– Ты правда не понимаешь?

Он ждет, но я не отвечаю. Хмурясь, он продолжает.

– Мне нужны его тени.

– Они не его. Это всего лишь грезы. Ариен ничего не сможет вам дать.

Я не буду думать о том, что происходило в деревне, в лесу, при дневном свете. Все, чего боялась Мать – что внутри Ариена тьма, что Подземный Лорд претендует на него, – не может быть правдой. Не может быть.

Монстр насмешливо качает головой:

– Лишь грезы.

И затем, прежде чем я успеваю себя остановить, вопрос вырывается наружу:

– То, что говорят про вас и вашу семью, – это правда?

Я задыхаюсь, когда он скручивает мои волосы в узел и наклоняется ближе, пока его рот почти не касается моего уха.

– Да.

По моей щеке пробегает его дыхание.

– Все, что про меня говорят, – правда.

Меня охватывает дрожь. Я открываю рот, но не издаю ни звука. Все, что я слышу, это эхо его голоса. Он ослабляет хватку, и мои запутанные ветром кудри развеваются. Его рука сжимает мою талию, и он заставляет лошадь двигаться быстрее. Я смотрю по сторонам, осматривая обочины дороги в поисках тропинки, дома, чего угодно. Но выхода нет. Только лес, небо и ночь. И монстр, прижимающий меня к себе.

Мы пересекаем поляну, земля по обе стороны дороги пуста, за исключением упавшего дерева. Корни, торчащие над землей, спутаны. На фоне заката они похожи на когти.

Я замерзаю.

Наконец мы доезжаем до окруженного оливковой рощей дома на обочине. Уже темно, ночное небо посеребрено почти полной луной.

Монстр берет поводья и быстро спешивается.

– Впереди еще один полный день пути до Лейкседжа. Мы будем спать здесь, а утром снова отправимся в путь.

Я смотрю на дом. Он такой маленький – всего одна комната. Я так переживала за Ариена, что даже не подумала, что нам придется провести ночь так близко к монстру. Что теперь мы будем с ним каждую ночь в проклятом поместье.

Он протягивает руку, и я позволяю ему помочь мне спуститься с лошади. Когда мои ноги касаются земли, я спотыкаюсь и, не задумываясь, хватаюсь за его плащ, чтобы не упасть. Он пристально смотрит на меня. Я начинаю дрожать, и его рот растягивается в острой улыбке.

– Только не говори мне, что тебе холодно даже в этих шерстяных чулках.

– Я в порядке.

Отталкиваю его и быстро иду туда, где ошеломленный Ариен стоит рядом с другой лошадью. Я обнимаю его.

– У тебя все нормально?

Я касаюсь его щеки. В лунном свете он кажется еще бледнее. Он устал и встревожен, но цел и невредим.

Морщась и потирая бедро, он кивает:

– Все болит.

В доме у дороги темно, окна закрыты плотно затворенными ставнями. Крыша опутана лианой глицинии, и воздух наполняет тяжелый аромат цветов.

Я тянусь к Ариену, беру его за руку и крепко ее сжимаю, когда мы заходим внутрь.

Четвертая глава

В комнате жарко, а свет исходит лишь из одного-единственного фонаря на столе. На стене напротив окон со ставнями – алтарь. На иконе изображена Леди со склоненной головой и поднятыми ладонями, между ее пальцами вьется лоза. Под алтарем – ряд потухших свечей.

Монстр становится на колени у очага и пытается разжечь огонь. Его волосы спутались от ветра, на щеке – пятно пыли. Свет костра танцует над ним, окрашивая его загорелую кожу в янтарный цвет. Но даже когда он такой – золотой и красивый, – я не могу забыть, кто он на самом деле. Что-то с ним не то. Кажется, что даже тьма, которая скапливается в углах комнаты, ползет и собирается у его ног.

Он достает из деревянного ящика пригоршню веток и бросает их в слабый огонь. Я смотрю на его руки и представляю, как его пальцы сжимают горло. Когда я закрываю глаза, эта картина остается. Расплывчатое белое лицо под водой, поток пузырей, выплескивающийся ужасным безмолвным криком. Когда он слышит, что мы вошли, то встает на ноги. Накидывает капюшон плаща на волосы и кивает головой в сторону двери:

– Ариен, на пару слов.

Он кладет руку Ариену на плечо и отводит его в сторону. Когда я иду за ними, Флоренс ловит мою руку.

– Нет. Это не твое дело.

– Он мой брат.

– Да. – Она почти такого же роста, как монстр, и смотрит так же пугающе. – И он прямо тут, рядом. Он будет в полной безопасности.

Через открытую дверь я вижу, что Ариен и монстр стоят в кругу света лампы. Монстр говорит быстро, его голос низок и невнятен. Я напрягаюсь, чтобы прислушаться, но могу уловить только обрывки его слов.

– Два дня... полная луна...

– Вот, – Флоренс сует мне в руки оловянный чайник и кивает в угол, где стоит раковина:

– Иди и наполни его.

Я прижимаю чайник к груди и подхожу к раковине. С силой засовываю чайник под желоб. Чайник царапает его с громким лязгом. Раковина заполнена засохшими листьями и раскро-

шенными тельцами мертвых бабочек. Ручка у насоса тяжелая. Я крепко его сжимаю и давлю что есть силы. Ржавая вода течет, брызгая на переднюю часть моего платья и смывая пыль с бабочек и листьев в канализацию.

Не сводя глаз с двери, я наполняю чайник. Монстр наклоняется ближе к Ариену. Его рот снова и снова произносит одно и то же слово. Ариен качает головой и пытается отступить. Он бросает на меня нервный взгляд и впивается зубами в губу.

Я передаю чайник Флоренс, которая уже начала раскладывать импровизированный ужин из одной из принесенных с собой сумок. Я быстро прохожу через комнату. Когда монстр видит, что я приближаюсь, он резко замолкает. Он поворачивается и уходит на улицу, пока его полнотью не поглощает ночь.

Я кладу руку Ариену на щеку.

– О чем он тебя спрашивал?

Он закрывает глаза и прислоняется лицом к моей ладони.

– Ни о чем таком.

– Ариен. Расскажи мне.

Он осторожно смотрит туда, куда ушел монстр – далеко в темноту.

– Он сказал...

– Ничего, – отзывается монстр. Когда он возвращается в комнату, его ботинки тяжело ударяются об пол. Он скрещивает руки, опирается плечом на дверной косяк. Его глаза холодно сужаются. – Ничего.

Тьма позади него подобна темноте в глубине колодца, но его лицо освещено лампой. У него много шрамов вокруг горла. Острые почерневшие отметины, оплетающие его кожу, как терновое ожерелье. Я непроизвольно провожу пальцами по своему горлу.

Что его так ранило? Что оставило эти ужасные отметины?

А затем, на мгновение, вены на его горле темнеют. Прямо как тогда в деревне. В его глазах отражается малиновый свет.

Я с тревогой оглядываю комнату, от закрытых ставнями окон до открытой двери. Оливковая роща – словно стена теней под лунным небом. Сколько шагов нужно сделать, чтобы добежать от дороги к деревьям? Голова кипит, когда я пытаюсь прикинуть, сможем ли мы добраться туда достаточно быстро. Если бы мы только смогли добраться до леса до того, как нас настигнет монстр.

Чайник с пронзительным свистом начинает кипеть. Я вздрагиваю, у меня перехватывает дыхание. Перед глазами скачут белые пятна. Пока Флоренс убирает чайник с огня, я с силой втягиваю воздух в сжатые легкие. Она тяжело опускает его на железную подставку, затем берет несколько чашек с полки.

Она наполняет кастрюлю и начинает ложкой набирать листья из маленькой, подписанной от руки баночки, заваривая чай. Когда она заканчивает, монстр наблюдает за ней из дверного проема. Затем она протягивает ему чашку, и он подходит, чтобы забрать ее.

Здесь нет стола и негде присесть, кроме сложенных одеял, лежащих на четырех импровизированных кроватях. Все они выложены в аккуратный ряд. Я беру два крайних и перетаскиваю их в противоположную сторону комнаты. Мы с Ариеном прижимаемся друг к другу так близко, что наши плечи соприкасаются.

Флоренс передает каждому из нас по чашке чая и тарелке с квадратным пряным и сладким пирожным, сделанным из сушеных яблок и коричневого сахара.

– Завтра нам предстоит долгая поездка.

Она делает глоток из своей чашки.

– Доедайте, а затем попробуйте немного поспать.

Я не могу вспомнить, когда ела в последний раз, но в животе осталась только онемевшая пустота. Я ковьярю пирожное, пока оно не рассыпается под моими пальцами, а затем осто-

рожно выпиваю чай. Он горький, со слабой сладостью, которая остается на языке. Я отставляю чашку в сторону и ложусь на одеяло, а Ариен растягивается рядом со мной.

Слышится скрежет от печи, когда Флоренс заглушает огонь, затем – шелест одеял. В комнате наступает напряженная тишина.

Ариен лежит на спине и смотрит на соломенный потолок. Его лицо обеспокоенно сморщилось, под глазами лежат усталые свинцовые тени.

– Извини, Лета. Я и правда все испортил.

– Ариен. Это вовсе не твоя вина.

Он вздыхает. Я протягиваю руку и касаюсь руки брата, пытаюсь придумать способ утешить его.

– Хочешь, я расскажу тебе сказку?

Эти сказки – самое яркое из моих воспоминаний, оставшихся от нашей прежней жизни. И теперь, когда я рассказываю их Ариену, то слышу низкий гулкий голос моего отца – он читал мне вслух. Я чувствую руку матери – мы шли в деревню, и она обещала рассказать сказку, если я пройду еще немного.

– Мм?

Ариен поворачивается ко мне лицом. Его рот вытягивается в слабую улыбку.

– Да, давай.

– Какую бы ты хотел? Про рыцаря и принца?

Это его любимая: потерянный принц, спасенный мудрым рыцарем. Я никогда не спрашивала, воображает ли он себя рыцарем или принцем, спасенным или спасителем. Но я вижу, как на его лице появляется скрытое удовольствие, когда я рассказываю сказки, которые заканчиваются любовью двух юношей. Я понимаю, что некоторые вещи он хранит в тайне – они слишком драгоценны, чтобы делиться.

– Нет.

Он устало потирает щеку.

– Расскажи свою любимую.

Я придвигаюсь ближе и обнимаю его за плечи. Сказка идет легко – я чувствую тепло от того, что рассказываю ее.

– За семью лесами, за семью озерами был лабиринт. Внутри жил монстр. И однажды храбрая девушка отправилась на поиски волшебного сокровища...

Я любила эту сказку сколько себя помню. Мои родители рассказывали мне ее снова и снова, столько раз, сколько я могла их на это уговорить.

Лабиринт находится глубоко под землей, стены его сделаны из деревьев. А в центре на кровати из костей спит ужасный монстр. Ни один вошедший туда никогда не покидал лабиринта. Но у девушки – когда она входит внутрь – в кармане спрятан клубок бечевки. И по пути она распутывает ее нить позади себя.

– Монстр гнался за ней, но она была быстрее. Она последовала за нитью...

Пока я продолжаю рассказ, Ариен сонно улыбается. И на мгновение мы словно снова оказываемся в доме, где нас окружают крепкие стены, а весь мир находится где-то вдалеке. Тогда мы были почти в безопасности, тогда еще все не изменилось.

Я смотрю в другую сторону. В противоположном конце комнаты неподвижно лежит Флоренс, во сне ее дыхание замедлилось. Но монстр... он не спит. Он наблюдает за мной, а в его глазах танцуют блики пламени. Он слушает.

Я резко замолкаю. Когда он понимает, что его заметили, то быстро отворачивается и накидывает одеяло себе на плечи. Мои щеки горят. Я чувствую себя обнаженной. Понял ли он по моему голосу, как сильно я хочу быть такой же бесстрашной, как девушка в лабиринте? Знает ли он, как я хочу, чтобы у меня в руках был крепко сжат собственный клубок, показывающий безопасный путь?

Пока Ариен засыпает, я лежу рядом. Дверь оставили открытой, чтобы в комнату проник легкий ветерок, но ночной воздух душен. Я смотрю в дверной проем на неподвижные ветви оливковых деревьев. Внезапно я осознаю, как в комнате тихо, как спокойно. Монстр в темноте дышит медленно и тяжело.

– Ариен.

Я прижалась губами к его уху. Тихо встряхиваю его.

– Мы не можем здесь оставаться. Мы не можем оставаться с ним.

Он шевелится со стоном. Едва решаясь дышать, я медленно сажусь. Он смотрит на открытую дверь и его лицо озаряется пониманием. Мы встаем. Каждый шелест ткани, каждый скрип половиц ощущаются бесконечно громкими. Я не отрываю глаз от монстра, но он не двигается.

На цыпочках мы пересекаем комнату и останавливаемся за дверью. Ариен бросает на монстра один настороженный взгляд, затем решительно кивает мне. Мы вместе бежим в безмолвный, залитый лунным светом лес.

Мы долго бежим между тесными рядами деревьев в оливковой роще. Я не знаю, куда мы идем, но знаю, что уйти нам нужно далеко. Я должна держать брата как можно дальше от монстра. Я позволяю лесу сомкнуться вокруг меня, пока, наконец, ветки с узкими листьями не расходятся и не уступают место дикому лесу.

Ариен спотыкается, пытаюсь не отставать от моего стремительного темпа.

– Лета, почему ты не побежала на дорогу?

– Он бы нас там увидел. Мы сможем вернуться на нее, как только выйдем из-за деревьев.

Мои ноги цепляются за упавшую ветку, и я спотыкаюсь. Падаю коленями на землю, от боли темнеет в глазах. Я зарываюсь в листья и шиплю сквозь зубы.

– Проклятый лес.

Ариен приседает рядом со мной, его испуганный взгляд переносится с земли на деревья и небо.

– Ты ушиблась?

Со стоном боли я встаю на ноги.

– Я в порядке.

Мы идем дальше. Я не отрываю взгляд от тропы впереди, прокладывая путь сквозь деревья. Время от времени я останавливаюсь, напрягаясь, чтобы прислушаться. Все мои мускулы с каждым мгновением все больше скручиваются в спираль. Из лесу доносятся странные звуки: голоса птиц, скрип деревьев, шелест листьев.

А потом раздается голос – неразборчивый и сердитый. Монстр зовет Ариена по имени.

От этого звука идущий позади меня Ариен начинает дрожать. Я тяну его за руку.

– Не останавливайся!

Идем все дальше и дальше. Лес бесконечен. Наше дыхание становится тяжелым, и мои легкие начинают гореть. По мере того как деревья сгущаются, цвет из серого становится иссиня-черным. Исчез даже слабый лунный свет, который бледно освещал ветви.

Ариен спотыкается, ударяется об меня.

– Тебе следовало украсть факел, – раздраженно шепчет он.

Лихорадочный смех застревает у меня в горле.

– Обязательно сделаю так следующий раз, когда мы будем убегать от монстра.

Вдруг резкий и яростный голос монстра эхом разносится между деревьев, и мы погружаемся в отчаянную тишину. Я тяну Ариена за руку, веду его вперед между двумя еле видимыми стволами. Мы стремительно идем в темноту.

Воздух жаркий, ветви удерживают летнее тепло. Пот пропитал мое платье и движется вдоль позвоночника.

Я провожу рукавом по лбу, снимаю тяжелые волосы с шеи. Окруженная деревьями, жарой и темнотой, я ничего не вижу, не могу отдышаться. Но мы должны продолжать дви-

гаться. Вытянув руку я бегу, хватаюсь за воздух перед собой. Раздается хруст листьев и моя рука выворачивается. Я падаю вперед, рука Ариена вырывается из моей, и он отстает.

– Ариен? – в поисках его я кручусь вокруг. – Где ты?

– Я здесь! – приглушенный голос звучит словно издалека. – Лета? Я ничего не вижу!

Затем его голос прерывается – наступает ночная тишина. Я задерживаю дыхание, пытаюсь услышать его в темноте.

– Ариен!

Мои пальцы ударяются о ствол. Кора холодная, гладкая и влажная, смазанная густой сочащейся жидкостью. Я отдергиваю руку и вытираю ее о юбку. Земля тоже влажная. Грязь скапливается в моих ботинках, а холодная влага просачивается сквозь чулки и мочит ноги.

Я одна в окружении деревьев. Скелетные корни выступают над поверхностью. Над полом леса наверху – открытый кусок неба – звезды мерцают, светит луна.

А в центре поляны – одинокое высокое дерево.

Кора у него не светлая, а маслянистая, темно-черная. Роща отравлена. Магия земли – свет Леди, который течет через мир, отравлен тьмой Нижнего мира и распространяется по земле, корням, деревьям. Однажды такое случилось в миндальной роще недалеко от Греймера, но тогда все было не так плохо. Здесь же даже воздух кажется ненормальным.

Мои ноги оставляли следы на мокрой земле, пока я шла по поляне, но путь, который привел меня сюда, теперь исчез. Я в плену сплетенных деревьев. Ариен по ту сторону ходит взад и вперед, пытаюсь найти вход. Он смотрит на меня и между стволов я вижу его испуганное лицо, но затем оно скрывается во мраке.

Вдруг в раздается тихое рычание:

– Ариен?

Он не отвечает. Все по-прежнему. Я даже не слышу монстра.

Снова рычание.

Я прижимаюсь к краю рощи, мое сердце бешено стучит. За отравленным деревом заметно слабое движение. Из темноты, сгорбившись над землей, выходит какое-то существо.

Постепенно оно принимает форму. Длинные ноги, хвост, заостренные уши.

Острые зубы.

Волк.

С опущенной головой он идет вперед. Плененная пристальным взглядом его глаз, я оцепенела от страха. Оскалив зубы он подходит все ближе, из глубины его глотки доносится рычание.

– Ариен, беги! – кричу я. – Ты должен бежать, ты...

Волк прыгает. Я бросаюсь вперед на землю, закрываю глаза и жду, когда его зубы прорежут мою кожу.

Затем перед моим лицом пронесется яркая волна тепла. Я поспешно поднимаю взгляд. Там монстр, высокий, темный и разъяренный, с сосновым факелом в руке. Ариен со сломанной веткой идет следом за ним.

Монстр бросается между мной и волком. Они сталкиваются в пятно плаща, когтей и зубов. Монстр делает выпад, затем волк бросается на него и свирепо огрызается. Волк хватается его за руку, и монстр кричит. Рыча сквозь зубы, он вырывается. Он выглядит таким же устрашающим, как и волк, и таким же опасным.

Монстр машет факелом перед собой. Искры наполняют воздух, и волк корчится. Затем все происходит как в тумане, так быстро, что я с трудом могу разобрать то, что вижу. Режущий звук, брызги темной крови на земле.

Монстр опускает руку в землю – почва мокрая, черная и отравленная. Воздух дрожит, и возникает ощущение ненормальности всего происходящего, которое возникло раньше и все больше нарастает. Я чувствую это в груди.

Я ощущаю кислый вкус на языке. Из земли вырастают ленты тьмы и ловят волка, обвивая его лапы, как виноградные лозы. Он скулит и, оскалив зубы и закатив глаза – белые полумесяцы страха, – пытается освободиться.

С очередным рычанием монстр отрывает руку от земли. Тени стремительно испаряются, и волк, освободившись, с визгом падает вниз. Он карабкается вбок, разгребая лапами грязь, затем разворачивается и стремительно бежит обратно в лес.

Монстр смотрит, как он уходит, а затем со стоном падает на колени. Его голова наклонена вперед, лицо скрыто за волосами. Он прижимает руку к груди.

Ариен бросает ветку и подбегает ко мне.

– Я пошел искать его. Он вернулся за тобой – сначала не хотел, но мы услышали волка и...

Я быстро перевожу взгляд с монстра, упавшего на землю, на лес, где между деревьями появился выход. Если мы сейчас убежим, он не сможет пойти за нами. Мы можем оставить его здесь. Мы можем идти.

Но слова Ариена подобны ножу у горла. *Он вернулся за тобой.*

Я делаю нерешительный шаг вперед.

– Вы спасли меня.

Голова монстра резко поднимается. Я вижу пятно крови у его рта. Его рукав разорван, а на руке глубокая кровоточащая рана – от зубов, когтей или и того и другого. Мы смотрим друг на друга, пока истина не становится очевидной. Этот монстр, который утверждает, что в моем брате есть тьма, который хотел забрать Ариена и оставить меня здесь, он вернулся за мной.

Я дотягиваюсь до юбок, беру их в руки. Узор, который я вышивала на подоле, груб под моими дрожащими пальцами. Это самое красивое из двух моих платьев, его я приберегала на лучший день. Я оборачиваю льняную ткань вокруг рук и с усилием тяну.

Я тяну один раз, второй, и кусок с громким звуком отрывается. Я протягиваю кусок ткани вперед. Монстр не двигается, но на мгновение выражение его лица смягчается. Как будто маска соскальзывает, а затем быстро возвращается на место.

Я приседаю рядом с ним.

– Я могу помочь.

Резкий смех.

– Пока что ты, безусловно, очень помогла.

Но, пока я протираю порез тканью, он сидит спокойно. Кровь растекается по ней на мои пальцы. Я начинаю дрожать и еле сдерживаю себя, когда вспоминаю свою собственную кровь, такую яркую и быструю, и как Ариен помогал мне перевязать мои колени. Ткань выскальзывает из моих дрожащих пальцев. Я пытаюсь поймать ее, но вместо этого неуклюже кладу руку монстру на запястье.

Он удивленно смотрит на меня.

– Извините, – говорю я. – Я просто...

– Раз тебе так неприятен вид крови, может, в следующий раз не побежишь в отравленный лес?

– Я не знала, что он отравлен!

Монстр нетерпеливо хватается за ткань и начинает накладывать повязки. Он двигается ловко и уверенно несмотря на то что использует только одну руку. Как будто он уже делал это раньше.

Затем я вижу еще одну рану на его ладони, виднеющуюся через разрез на перчатке.

Я вглядываюсь получше. Он выглядит иначе, чем порез на его руке. Кровь темнее.

Когда он замечает мой взгляд, то быстро сжимает пальцы.

Ярываю еще одну полоску от платья и протягиваю ему. Он выхватывает ее у меня, поворачивается спиной и оборачивает ткань вокруг руки.

Когда он начинает вставать, я протягиваю руку, чтобы помочь ему, но он меня игнорирует. Он с трудом поднимается на ноги, затем замирает на мгновение, прижав руки к вискам, собираясь с силами. Он тяжело сглатывает и делает глубокий вдох.

– Черт возьми. Вы оба просто катастрофы.

Ариен поднимает факел с земли и протягивает его ему:

– Спасибо, что вернулись.

– Я не буду спасать твою сестру во второй раз. Не убегайте от меня снова, никто из вас.

Он берет факел, зажигает конец искрой. Затем он кивает головой в сторону деревьев:

– Давай, пошли.

Не говоря ни слова, мы идем через лес обратно. Монстр впереди, Ариен и я позади. На пути нас встречает Флоренс с фонарем. Ее глаза расширяются при виде монстра с окровавленным лицом и повязками на руке и ладони.

– Что случилось?

Она протягивает руку, но он отталкивает ее.

– Неважно. Там отравленная роща.

Он указывает ей направление, затем берет ее фонарь и дает вместо него факел:

– Вернись и сожги деревья. Но присмотри за огнем, чтобы он не охватил весь лес.

Флоренс колеблется, ее рука все еще протянута к нему.

– Ты уверен, что все в порядке?

Он смотрит на нее.

– Да.

Она со вздохом поворачивается и исчезает за деревьями.

Остаток пути мы идем молча. Когда мы достигаем опушки леса, монстр жестом показывает Ариену, чтобы он продолжал идти вперед, и уводит меня в сторону.

Свои руки в перчатках он кладет поверх моих и придвигается ближе. Мой взгляд переходит с его темных глаз на его окровавленный рот, и меня охватывает странное острое чувство, но это не совсем страх. Он скользит своими руками по моим и свободно обхватывает мои запястья. Большим пальцем задевает то место, где мой рукав скрывает синяки.

– Тебе правда жаль, что я забрал вас обоих из того дома?

Он опускает взгляд и тихо продолжает:

– Я не причиню тебе вреда.

Оставшиеся невысказанными слова повисают в воздухе, но все ясно видно по прикосновению его пальцев к моему запястью. *Я не причиню тебе вреда, я не сделаю с тобой такого.*

– А как насчет Ариена? Что вы запланировали для него?

Он настороженно смотрит.

– Это тебя не касается.

– Меня не волнует, причинишь ли ты мне боль.

Мои зубы сжимаются при мысли об этом, но я не вырываюсь. После всего, что я терпела от Матери, чтобы уберечь Ариена, я знаю, что могла бы вынести и жестокость монстра. Могла бы.

– Просто оставь его в покое.

– Ты достаточно слышана о поместье Лейкседж, чтобы знать, что я не могу обещать вам безопасность.

Он отпускает меня и идет обратно в дом у дороги, не поворачиваясь, чтобы проверить, пойдём ли мы с Ариеном за ним.

Ему и не нужно. Он знает, что нам больше некуда идти.

Пятая глава

Силуэт поместья Лейкседж виднеется на фоне ночного неба. Посреди гравийной дороги стоят замысловатые железные ворота. Когда мы проезжаем через них, Флоренс протягивает руку за привязанным к столбу не горящим фонарем. Она зажигает его своей искрой. И, пока мы едем к дому, пламя мерцает в темноте.

Нас окружают холмы, густо заросшие деревьями и усеянные острым гранитом. Это словно отдельный мир, тихий и неподвижный, освещенный таинственным лунным светом. Оглядываясь вокруг в попытке увидеть больше, я цепляюсь за край седла. Но сейчас слишком темно. Все, что находится за пределами фонаря Флоренс, исчезает в тени.

Дорога идет вниз, к самому дому. Мы останавливаемся, и монстр быстро слезает с нашей лошади. За все время он не сказал мне ни слова. Теперь же он, помогая мне спешиться, специально не смотрит в глаза.

Я неуклюже вылезаю из седла и спотыкаюсь, когда ступаю на землю. После нескольких дней, проведенных верхом, я чувствую себя ужасно. Мне нужно немного подышать, чтобы успокоить обожженные мышцы, охваченные незнакомой болью.

Монстр проходит мимо меня, уводя свою лошадь за дом, в темноту.

– Подожди, – кричит ему вслед Флоренс. – Тебе не нужен свет?

Она берет поводья своей лошади и с фонарем в руке следует за ним, оставляя нас с Ариеном наедине перед входной дверью. В тишине.

Прижимая сумку с вещами к груди, я подхожу ближе. Внутри ее вся моя жизнь: колючий свитер, который я ношу зимой; истонченная в локтях ночная рубашка; пара чулок с заплатками на пальцах ног. И горсть камней, мои сокровища с подоконника спальни.

– Он такой большой, – говорит Ариен, смотря на дом. – Мы как будто в одной из твоих сказок, Лета.

– Он... – я неуверенно подбираю слова, – он очень красивый.

Ходит множество слухов о том, что Лейкседж проклят. Но никто не говорит о его красоте, пусть и поблекшей от запустения. Я думала, это будет место шипов и теней. Но Ариен прав – мы словно в сказке.

Большинство окон в доме закрыто, и между деревянными ставнями вьется густой плющ. Входная дверь – резная, с выпуклым узором. Я провожу по ней пальцами – по вырезанным на дереве лозам и листьям, таким нежным, словно это вышивка. На железной ручке тоже есть резьба. Огромное кольцо в форме венка усыпано листьями и цветами-колокольчиками. Когда я кладу на него руку, холод железа заставляет меня дрожать. Но постепенно, под моей ладонью, оно начинает нагреваться.

Непонятное чувство вьется вокруг меня, как переплетающая ставни лоза. Есть что-то печальное в этом оскудевшем, торжественном доме с его окнами, похожими на закрытые глаза, и кольцом холодного железа на двери. Он словно заколдован и погружен в долгий, глубокий сон. Я кладу руку на каменную стену. Закрываю глаза. Под моими пальцами что-то шевелится. Дом словно дышит, глубоко и медленно.

Вдруг на возвышающемся над домом склоне раздается резкий крик. Я отдергиваю руку. Оперенная фигура улетает в ночь. Мы с Ариеном цепляемся друг за друга. Мое сердце начинает бешено колотиться. Трепещет, словно птица, которую мы только что потревожили.

Дверь открывается, и на пороге мы видим маленькую полную девушку. Она моего возраста или даже моложе. Ее белая кожа усеяна веснушками, а каштановые волосы заплетены в косу из пяти прядей, достающую почти до талии.

– Привет. – Она моргает глазами, спрятанными за большими, в круглой оправе очками, и нерешительно улыбается. – Я – Кловер Энсленд.

Она отступает, чтобы позволить нам переступить порог. Холл – это, пожалуй, самое большое пространство, в котором я когда-либо была. Наверху над лестницей расположено сводчатое окно. Сквозь стекло я вижу скопления звезд. Уже очень поздно, сумрак предвещает скорое новое утро.

Кловер добродушно смеется, когда я осматриваюсь.

– Да, знаю. В этом холле поместится дом моей матери целиком.

Широко раскрыв глаза, Ариент смотрит по сторонам.

– Тут так пусто.

Действительно пусто. Из глубины дома доносятся голоса – размеренный тон Флоренс и более низкий – монстра. Но в холле тихо и спокойно. Мебели почти нет, стены пусты. Свет исходит от единственной свечи. В сумраке под потолком виднеется лампа, но она вся покрыта паутиной, ее явно давно не зажигали. Стеклянные, покрытые пылью плафоны сияют, как драгоценные камни.

Мы следуем за Кловер через холл и идем по длинному коридору.

Я спрашиваю, давно ли она здесь.

– Около года. Это моя первая работа, и впервые я вдали от дома. – Она теребит конец косы и робко, но гордо улыбается. – Я алхимик поместья Лейкседж.

Я удивленно на нее смотрю. Я слышала о том, что алхимики иногда покидают Майлендс – их коммуну, расположенную рядом с далекой столицей, – чтобы жить в поместьях и помогать лордам. Говорят, что они могут творить чудеса. Исцелять так, как не под силу местным травникам. Выращивать урожай на полях, разрушенных засухой. Но материалы, которые они используют, редки и дороги. Поэтому в большинстве мест, таких как Греймер, есть только целители.

– О, – говорит Ариен, его лицо озаряет странная тоска. – Могу я увидеть твои заклинания?

Кловер смеется и закатывает рукав, показывая нам свою руку. Ее кожа испещрена крошечными отметинами из множества деталей. Круги и линии с острыми углами соединены вместе. Ариен наклоняется, чтобы рассмотреть поближе.

– Они красивые, Кловер.

Хотела бы я разделить его трепет. Символы прекрасны, но мысль о том, что в кого-то вплетены заклинания, навсегда оставленные на теле, тревожит.

Кlover ведет нас в большую кухню. В центре стоит стол, чугунную печь только что растопили. Огонь разносит по комнате мерцающее оранжевое свечение. Clover деловито ходит и разливает чай. Пока Ариен помогает ей, я подхожу к окну. Позади дома в лунном свете виден тихий заросший сад.

В комнату входит монстр. Игнорируя нас, он останавливается у алтаря у противоположной стены, чтобы зажечь свечи. Он берет одну свечу с полки и ставит ее в прозрачный сосуд, который осторожно кладет на стол рядом с расставленными Clover чашками.

На нем больше нет плаща, и без этого веса на плечах он выглядит моложе. Если бы я ничего о нем не знала, он мог бы быть просто мальчиком с завязанными в хвост волосами и усталыми морщинами под темными глазами.

Я иду к нему. Не знаю, что толкает меня вперед. Какой-то безрассудный порыв. Это как бросить камень в колодец, чтобы услышать всплеск. Или, может быть, я хочу доказать себе, что мне не нужно бояться. Я сглатываю, преодолевая сухость в горле.

– Лорд Сильванан?

Его голова резко поднимается.

– Не называй меня так. Я не использую свой титул.

– Ну тогда... у вас есть имя?

Он смотрит на меня так, будто это самый нелепый вопрос, какой я могла задать. Я подхожу еще ближе. Свет свечей превращает наши тени в призраков на полу. Вблизи я могу различить крохотные детали монстра, которых раньше не замечала. Его волосы не черные, а темно-каштановые. Оба его уха пронизаны рядами тонких серебряных колец.

Наконец он вздыхает.

– Роуэн.

– Роуэн, – повторяю я за ним.

Монстр. Мальчик. Мальчик с именем, которое я чувствую на своем языке. На вкус оно сладкое, как медовый чай. Меня бросает в жар. Я неравно смеюсь.

– Полагаю, ты еще слишком молод, чтобы быть настоящим лордом.

Монстр – Роуэн – хмурится:

– Я старше тебя.

Когда я поднимаю бровь, он продолжает:

– Мне девятнадцать.

– Старше на целых два года? О да, вечность.

– Подожди, – говорит Clover. – Роуэн, что с твоей рукой? Почему ты не сказал мне, что ранен? Выглядит ужасно!

Она тянется к окровавленной ткани, обернутой вокруг его рукава, а затем пытается дотронуться до его ладони, перевязанной бинтом поверх разорванной перчатки. Но он отталкивает ее, как и Флоренс:

– Это ерунда. Я в порядке.

Она раздраженно вздыхает, но не спорит. Чайник закипает, и Ариен снимает его с огня. Clover возвращается к столу и начинает заваривать чай. Пока он настаивается, она достает из кармана небольшой стеклянный флакон. Жидкость внутри – ядовито-зеленая. Она наливает чай, затем открывает пузырек. Когда она разливает странное зелье по чашкам, оно слегка дымится.

Ариен тянется к своей чашке, но я кладу руку ему на запястье и останавливаю.

– Что это?

– Это чтобы помочь вам заснуть, – легко говорит Clover. – Спокойным сном.

Роуэн без колебаний пьет свой чай, затем переводит взгляд с меня на мою нетронутую чашку:

– Ты думаешь, она хочет тебя отравить?

Его взгляд – вызов. Я смотрю на него, поднимаю чашку и делаю неуверенный глоток. Чай пахнет летом: листьями, цветами и ярким безоблачным небом. Но на вкус он ужасен, хуже любого настоя от травника.

Ариен тоже пьет. Ощувив вкус, он съеживается и с трудом глотает.

Кловер протягивает банку:

– Хочешь меда?

– Гм. – Он пьет еще, изо всех сил стараясь не кашлять. – Нет, спасибо.

Наши глаза встречаются, и его губы складываются в улыбку. Мой брат корчит мне гримасу, и я корчусь в ответ. Я заставляю себя выпить еще глоток чая, затем снова ставлю чашку на стол.

Роуэн устало вздыхает. Он проводит рукой по волосам, затем ту же затягивает связывающий их шнур.

– Ариен, ты можешь занять комнату наверху.

Он хмурится, затем смотрит на меня.

– Полагаю, тебя тоже нужно куда-то пристроить. Попробуй открыть дверь напротив его комнаты, там должно быть не заперто.

– Да, хорошо. Спасибо, что нашли для нас место.

Я смотрю вглубь коридора, полного заброшенных комнат.

– Смотри, чтобы я не пожалел об этом.

Роуэн берет сосуд со свечой и протягивает мне.

– Прежде чем вы уйдете, нам нужно обсудить некоторые правила.

Он разговаривает с нами обоими, но внимание его сосредоточено явно на мне.

– Не ходи куда не надо и ничего не трогай.

– Ничего?

Я многозначительно смотрю на предложенную свечу.

– Это очень... неконкретно.

Он сует сосуд мне в руки, от внезапного движения пламя дергается.

– Надеюсь, мы друг друга поняли. Я не хочу повторения той глупой ночной выходки в доме у дороги. И держись подальше от озера.

Я крепко сжимаю руками горячее стекло, пока оно не начинает обжигать кожу. Внезапно меня охватывает ужасное осознание того, что прямо здесь, за темным садом, находится место, где Роуэн утопил свою семью.

Он знает, что я боюсь. И уверена, что он этому рад. Но я не доставлю ему удовольствия, показав это.

– Постараюсь запомнить все правила.

Я прохожу через комнату, затем останавливаюсь в дверном проеме.

– Спокойной ночи, Роуэн.

При звуке своего имени он на мгновение замирает. В переменчивом свете пламени свечи выражение его лица искажается. В его глазах мерцает эмоция, которую я не могу прочесть.

Он снисходительно указывает в сторону коридора:

– Помни, что я сказал.

В слабом свете свечи мы с Ариеном поднимаемся наверх и находим две комнаты, расположенные напротив друг друга. Это единственные открытые двери в коридоре, но сами комнаты такие же пустые, как и холл внизу.

В комнате Ариена есть аккуратная коллекция мебели – комод, письменный стол, стул, а на кровати лежит лоскутное одеяло. О моей комнате позаботились меньше. Камин покрыт толстым слоем пыли, а в очаге – куча опавших листьев. Мебель завернута в льняную ткань.

Я стою в коридоре и перекручиваю ремешок своей сумки. Не могу заставить себя сделать шаг. Верхний этаж поместья Лейкседж такой же невзрачный, как и комнаты внизу. Но весь дом полон незнакомых звуков. Отовсюду слышатся скрипы. Освещенные бледным светом цветы на обоях кажутся колючими.

Вдруг издалека доносится какой-то звук. Шепот, но протяжнее и тише, чем порыв ветра. Я кладу руку Ариену на плечо.

– Ты это слышал?

Он щурится, вглядывается в темноту, но затем качает головой.

– Я уверена, что слышала какой-то звук.

Пока я нерешительно иду по коридору, небольшое пламя моей свечи отбрасывает тени на стены. Порывы ветра теперь звучат почти как слова. Я подхожу к одной из закрытых дверей. Дергаю ручку. Не поддается. Дом пустой, словно покинутая раковина моллюска.

Пока я хожу взад и вперед, Ариен наблюдает за мной из своей комнаты.

– Ты собираешься протоптать дорожку в полу?

Он роется в прикроватной тумбочке, находит искру и прикасается к лампе рядом с кроватью. Затем он начинает распаковывать свою сумку. А я все еще слышу звук. Иду за ним в комнату Ариена. Поднимаю свечу выше и напрягаюсь, чтобы прислушаться. Стало громче. Что-то изменилось.

На звук это что-то мокрое. Как... вода. Как будто под штукатуркой капает вода, но я кладу руку на стену, и она останавливается.

– Вот сейчас, сейчас ты слышал?

– Лета. Я думаю, тебе стоит лечь спать. Уже поздно.

Когда я не двигаюсь, Ариен мягко подталкивает меня:

– Давай. Тебе не нужно всю ночь бродить, еще и с таким выражением лица.

– С каким?

– Как будто ты представляешь все ужасные вещи, которые только могут со мной случиться.

– Я уверена, что есть несколько вещей, о которых я еще не догадалась.

Вместе мы подходим к кровати и садимся. Я кладу подбородок ему на плечо.

– Что Роуэн сказал тебе вчера вечером в доме у дороги? Чего он от тебя хочет?

Ариен наклоняется и расстегивает ботинки, а затем сбрасывает их.

– Он сказал, что может мне помочь. С тенями. Он может научить меня их контролировать.

– Но это всего лишь...

Во рту горький привкус, по спине пробегает дрожь.

– ...лишь грезы.

– Нет.

Он смотрит вперед и отказывается встречаться со мной взглядом.

– Нет, это не так.

Ночь за ночью я наблюдала, как его глаза темнели. Я чувствовала тени на своей коже. Я говорила себе, что не боюсь. Что они не причинят мне вреда. Лишь грезы. Они победили его – прорвались через него наружу. Но они ему не принадлежали.

Я смотрю на свечу и наблюдаю, как пламя танцует внутри сосуда. Вдыхаю запах медового воска.

– Ариен, ты действительно думаешь, что можешь ему доверять?

Вздыхнув, он ложится и поворачивается ко мне спиной.

– Я устал. Хочу спать.

– Ты знаешь, что случилось с его семьей. Что он с ними сделал.

– Пожалуйста, Лета. – Он зарывается лицом в подушку. – Просто ложись спать. Лейкседжский монстр не придет сегодня по наши души.

– Он может.

– Ты будешь первой, учитывая, как ты его рассердила.

– Я бы на это посмотрела.

Я поднимаюсь на ноги, беру свечу, затем иду через коридор в свою комнату.

Здесь душно, пахнет камфорой и каминной сажей. Все выглядит заброшенным. Я ставлю свечу и открываю окно, чтобы впустить свежий воздух. Но на улице жарко и безветренно. Занавески спадают вниз пыльными клочьями. Я смотрю в темноту, но ничего не вижу. Только невысокие холмы, силуэты деревьев и звездное небо над этим темным пейзажем.

Если здесь и есть озеро, то оно скрыто в ночной темноте.

Когда я отодвигаю ткань, накинутую на мою кровать, остается только голый, не заправленный матрас. Я роняю сумку на пол и ложусь прямо в ботинках. Сворачиваюсь калачиком на боку и прячу израненные колени под юбку. Я впервые сплю в одиночестве, в своей собственной комнате. Хотя расстояние между комнатой Ариена и моей не сильно больше, чем расстояние между нашими бывшими кроватями, оно кажется огромным, словно океан.

Глаза начинают слипаться. Какое-то время я борюсь, но затем закрываю их. Я так устала, что все болит. А лекарство, которое дала нам Кlover, затуманило разум. В глазах темнеет. Конечности тяжелеют. Я лежу в поле, и лозы обвивают все мое тело и душат меня.

Свеча гаснет.

Когда я наполовину засыпаю, раздаются крики.

Звуки прорезают тьму. Резкий, спутанный вой. Сажусь и смотрю на открытую дверь. Я вижу Ариена, спящего в своей комнате. Это не он.

Я задерживаю дыхание и вглядываюсь в темноту, пытаюсь разобрать слова, когда крик раздается вновь. Сначала они кажутся бессвязными, заглушенными стуком моего сердца. Но затем начинают складываться в слова.

Элан... Элан... пожалуйста...

Это не Ариен. Но звук такой же. Те же крики. Это звук грез. Слово повторяется снова и снова, пока не теряет смысл. Имя, мольба, отчаянная молитва.

Элан... пожалуйста...

Занавеска призрачно маячит на окне. Всюду ночь. Я беру свою сумку и неуверенно расстегиваю застёжки. Внутри, под моим свитером, запасным платьем и камнями, есть небольшая твердая фигура. Икона.

Ариен написал ее для меня. Мать никогда не пускала нас в свою мастерскую, но иногда давала ему обрезки дерева или остатки краски. Это первое, что он сделал. Цветные мазки широкие и размытые, как лицо, которое видишь во сне. Скорее размытый цвет, чем реальные черты. Края стали гладкими от трения большим пальцем, а форма оправы аккуратно вписывается в мою руку – изгиб повторяет мою ладонь.

Провожу пальцами по дереву. Песнопение само формируется у меня на языке – что-то более спонтанное, чем молитва. *Береги нас, береги нас, не дай ошибиться...*

Воздух пахнет пеплом и дымом. Возникает смутное воспоминание о залитом лунным светом лесе, о зимней ночи. Мороз в воздухе и на моих щеках. Тяжелый груз в руках. Мое дыхание – облако пара, когда я шепчу в темноту. Руки мерзнут. Пожалуйста, помогите нам...

Меня охватывает дрожь, и я обнимаю себя руками.

Крики стихают, и тишина наполняется новым звуком. Молчание. Вздох. Свет в комнате гаснет. Серебристая, освещенная луной тьма миг за мигом чернеет.

Начинают подниматься тени. *Тени*. Медленно и вяло выползают из углов, а затем поднимаются, как туман, по краям моей кровати. *Нет, нет, нет...* В комнату врывается порыв

холодного воздуха. Занавески вздымаются, затем опускаются обратно к окну. Накинутые на мебель куски ткани трещат и порхают, как испуганные птицы.

Тени. Те же тени, которые выходят из рук Ариена, когда он грезит.

Я встаю и мчусь через коридор. Его кровать пуста. Вся комната пуста.

Я снова поворачиваюсь к двери. Ее больше нет. Стена покрыта сплошной пеленой тьмы. Тени ползут ко мне, а я отшатываюсь, холодея от ужаса. Я в панике от мысли о том, что меня сейчас охватит тьма, что я утопаю в ней.

Тени движутся вперед, толкая меня все дальше и дальше вглубь комнаты, пока я не забирюсь обратно на кровать Ариена. Твердое изголовье у меня за спиной плотно прилегает к позвоночнику, а икона в руке ощущается как свинцовая гиря. Сердце стучит в ушах, пульсирует в горле.

Я сжимаю пальцы, вспоминая, как холодное железо входной двери медленно нагрелось от моего прикосновения. Неужели этот прекрасный, увитый плющом дом с его резными цветами, выцветшими обоями и забытой красотой причинит мне боль?

Откуда-то сверху слышится звук падающих капель. Я смотрю туда. Потолок темный, как чернила. Ручьи густой темной жидкости сочатся с карнизов и полосами стекают по стенам. По полу пробегает рябь, и тени превращаются в воду. Тьма – новая, влажная, – покрывает весь пол.

Воздух в комнате сгущается, и мир вокруг затихает. Все становится приглушенным. Это напоминает сырую тишину колодца. Спокойный воздух над поверхностью воды. И я там, в этой удушающей тьме. Я хочу кричать, но могу лишь всхлипывать.

Я думаю о Роуэне – его руках поверх моих, когда мы стояли у деревьев. О грубости его голоса, когда он сказал, что не может обещать нам безопасность. Сердце в груди отчаянно сжимается. Я не боюсь, нет. Конечно же, это все лишь грезы. Тени Ариена никогда не причиняли мне вреда, и эти не причинят. Это лишь грезы.

Но тени Ариена – не грезы. Это тьма. Тьма, которую Роуэн хочет получить, и я...

Меня накрывает новый порыв ветра. Ощущаю поцелуй холода на щеках. Вода с пола поднимается все выше и выше. Я в озере. Стебли осоки начинают обвиваться вокруг меня, и я царапаю руками горло, а они обматываются все сильнее и сильнее, врезаясь в мою кожу. Голова уходит под воду, и мир превращается в пятно мутной ряби.

Я открываю рот, чтобы закричать, и черная ледяная вода наполняет мои легкие.

Шестая глава

Я просыпаюсь одна, в комнате Ариена, и у меня перехватывает дыхание. За окном разливается малиновый закат. Настал следующий вечер. Пока я спала, прошел почти целый день. И этот кошмар... Я все еще чувствую его, все перед глазами. Тени, которые ползли по моей кровати. Черная вода, стекающая со стен.

Это был сон, вот и все. В углах комнаты нет теней. Стены с выцветшими обоями чистые, половицы сухие.

Я вылезая из спутанных одеял и встаю с постели. Ариен распаковал сумку. Горстка вещей, которые он принес из дома, аккуратно лежит на комод: его кисти и краски, свиток пергамента. Его вчерашняя рубашка смята и отброшена в угол так же небрежно, как и всегда.

Я разглаживаю складки своего платья и расчесываю пальцами взъерошенные волосы, пытаюсь успокоить себя. Должно быть, произошло следующее: мне приснился кошмар, и я пришла в комнату Ариена. Когда он проснулся сегодня утром, я крепко спала, и он спустился вниз. Вот и все.

Когда я выхожу в коридор, все кажется таким же пустым, как и прошлой ночью. Никаких голосов. Никакого движения в других комнатах. Единственный звук – это эхо моих шагов. Сквозь сводчатое окно над лестницей проникают лучи закатного солнца. С высоты второго этажа я вижу все поместье. Его узкая территория странной формы окружена огромной, увитой плющом стеной. Все выглядит давно заброшенным. Полно спутанных сорняков и цветов, которые расползлись далеко за пределы своих когда-то существующих границ.

А за ковром из сорняков и полевых цветов... озеро.

Вода черная. Черная, словно чернила, даже темнее. Это оно. Это вода, которая наполнила мою комнату прошлой ночью во сне.

Берег тоже черный и весь изрезан. С острыми краями, он похож на рваную рану. Мне больно смотреть на это. Я чувствую, будто кто-то порезал мою кожу и оставил на мне такие же зазубренные шрамы, как и на земле внизу. Стекло в коленях, синяки на запястьях, ночные тени.

А внизу по берегу озера движутся три фигуры. Кlover и Ариен, а рядом с ними и Роуэн. Я смотрю, как он кладет руку в перчатке на плечо Ариена и наклоняется ближе, чтобы что-то

сказать. Затем они все продвигаются к краю почерневшей земли, линии, где трава становится грязью, а грязь становится водой.

Нет. Нет. Нет.

Я отхожу от окна. Роуэн Сильванан хочет тьмы, которая есть в Ариене. Хочет его тени, которые нечто большее, чем грезы. А теперь он отвел моего брата к озеру. Озеру, в котором он одного за другим утопил свою семью.

Я бегу.

Я бегу вниз по лестнице, через кухню, где стучат кастрюли и что-то кипит на плите, и вылетаю через черный выход в сад.

Летние сумерки тяжелые, в воздухе запах гари. Когда я бегу по дорожке, ветви царапают мне руки и рвут юбки. Гравий разлетается в стороны. Колени горят от острой боли, будто под кожей угли. Раны снова открываются; кровь течет по ногам. Я бегу, пока сад не превращается в лес. Кора у деревьев светлая. Сапогами я давлю мертвые листья.

– Ариен! – мой голос теряется среди деревьев.

Я добираюсь до берега. Вблизи озеро еще хуже. Темная вода, поглощающая остатки солнечного света. Когда я наступаю в грязь, то чувствую холод сквозь ботинки. Я словно босиком. Тьма кажется живой. И голодной.

С каждым шагом мои ноги погружаются все глубже в грязь. Пробираясь по ней к брату, я начинаю тяжело дышать.

– Ариен!

Ариен удивленно поднимает глаза. Его глаза черные, как вода в озере. Я уже почти подошла к нему, но Роуэн набрасывается на меня, хватая за руку и резко дергает назад. Я падаю на него, и у меня перехватывает дыхание. Руками в перчатках он крепко сжимает мои предплечья и утаскивает меня от воды. Вдаль от Ариена.

– Отпусти меня, отпусти меня! – кричу я и ударяю его. Царапаю его. Он шипит, когда мои пальцы задевают его горло.

– Я говорил тебе!

Его глаза сузились, лицо покраснело. Он в ярости.

– Я сказал тебе держаться подальше!

Он тащит меня через берег обратно. Я сопротивляюсь и борюсь с ним. Я сильная, моя сила построена на ведрах с колодезной водой, на корзинах, которые я носила в деревню, на топоре, которым я рубила дрова. Я сильная, но Роуэн сильнее. С таким же успехом я могу сражаться с камнем или деревом.

На опушке леса он останавливается. На мгновение мы стоим лицом к лицу. Затем он с разочарованным рычанием разворачивает меня и прижимает к себе. Моя спина плотно прижата к его груди, и я чувствую его сердцебиение. Оно такое же быстрое, как мое, а может, и быстрее.

Его дыхание неровное и прерывистое.

– Тебя не должно быть здесь. Я же *сказал* тебе...

– Убери от меня руки! – Я впиваюсь пальцами в руки Роуэна. Я не могу достать до его кожи, потому что она закрыта перчатками и плащом, поэтому я резко бью его локтем по ребрам.

– Перестань царапать меня, маленькое чудовище!

Я поворачиваюсь к нему. Я должна идти, мне нужно вернуться к Ариену.

– Отпусти меня!

При звуке моего голоса Ариен поднимает взгляд. Мгновение он колеблется, неуверенно прикусывая губу. Затем он расправляет плечи, и на его лице появляется решимость.

– Лета, уйди отсюда! Оставь меня одного!

Его голос отчетливо разносится по плоскому берегу. Шок от его слов забирает у меня все силы, и я замираю. Он отворачивается и идет к воде.

Кловер сочувственно смотрит на меня. Затем они с Ариеном начинают двигаться вместе медленным, ритуальным шагом. Пять шагов – я их считаю. Их шаги образуют круг, который Кловер соединяет в единую форму, проводя пальцами по грязи. Она ведет Ариена в центр круга. Они вместе встают на колени, и Ариен упирается руками в землю.

Я снова начинаю бороться с Роуэном, мой живот сжимается от страха. В моей голове проносится ужасная путаница образов. Почерневшее озеро, трупы его семьи. Когда он говорил со мной у леса, его голос был груб. *Я не могу обещать вам безопасность.*

– Ты сказал, что не причинишь ему вреда!

– Я не пытаюсь причинить ему боль. Мы приводим его в порядок.

Роуэн издает насмешливый звук.

– Разве ты раньше не видела, как используют алхимию?

– Алхимию? Но Ариен не...

Я смотрю, как Ариен замирает, и воздух вокруг него начинает темнеть. Тени – его тени – выливаются из его рук, как вода из стремительного ручья.

Кловер закатывает рукава. Символы на ее руках светятся, и от ее ладоней тоже исходит свет. Она прикасается к нарисованной на земле печати, и магия освещает линии золотым блеском. Затем она кладет свои руки на руки Ариена и толкает их вниз, пока грязь не начинает смыкаться над их пальцами.

– Сейчас! – Она решительно скалит зубы и запихивает его руки в грязь. – Сейчас, Ариен!

– Это то, что ты хотел?

Перед глазами стоит пелена слез, и я моргаю. Я отказываюсь плакать. Не здесь, не перед Роуэном. Во мне накопилось столько слез, что если я начну сейчас, то не смогу остановиться.

– Ты хотел использовать его против этого... против этой...

– Гнили.

– Гнили?

Слово остается у меня во рту. У него есть отдельное имя для тьмы. Когда я сглатываю, я чувствую его вкус: тяжелый, как густой воздух на лесной поляне, где с деревьев стекали тени.

Я качаю головой, у меня в горле застрял недоверчивый крик.

– У Ариена нет ничего общего с этой ужасной тьмой!

Ариен поворачивается, и мы смотрим друг на друга через берег. Его глаза широко распахнуты и лицо наполнено той же болью, как тогда, когда Мать поднесла его руки к свечам. Его рот открывается, но он ничего не говорит.

– Ты правда так думаешь? – спрашивает Роуэн. Его хватка на моих руках ослабевает, и он пристально смотрит на меня язвительным взглядом. – Неудивительно, что он так боится своей силы, раз ты заставляла его лгать и прятаться. Как долго ты собиралась притворяться, что его магия – просто дурные грезы?

Я вырываюсь из хватки Роуэна и сильно бью его по лицу. Он отшатывается, прикладывая руку к яркой отметине на щеке. Прежде чем он успевает среагировать, я прохожу мимо него и бегу к воде. Кловер и Ариен теперь окружены тенями и скрыты от глаз. Я делаю вдох и погружаюсь в темноту.

Я падаю на колени в холодную черную грязь. Вдалеке я слышу сердитый голос Роуэна, когда он зовет меня:

– Назад, черт возьми, уйди от них!

Я тянусь и нахожу руку Ариена.

– Лета, нет!

Он пытается высвободиться.

– Ты все испортишь!

Я чувствую толчок, а потом кожу начинает жечь. Мне кажется, будто все мои кости загорелись. Спустя мгновения где-то в груди словно натягивается канат, и мои пальцы крепко сжимаются. Пространство между нашими руками гудит и *горит*. А тени – они успокаиваются. Они смягчаются.

Неуправляемое облако сворачивается само в себя. Волны темноты сужаются до отдельных лент, которые текут между нашими сцепленными пальцами.

И темнота Ариена – его тени лентами выются и переплетаются. Магия Кловер превратила их в аккуратный ряд тонких стежков. Никогда раньше они не были такими. Не были под его контролем.

На мгновение все успокаивается. Магия покрывает все вокруг, и все под контролем.

– Сработало, – выдыхает Кловер.

Вдруг все начинает дрожать. Земля уходит из-под ног. Я прислоняюсь к Ариену, плечо к плечу, и пытаюсь удержать равновесие. Кловер испытующе смотрит на Роуэна, ее лоб востро морщится. Еще одна дрожь проходит по земле долгой волной.

– Быстро.

Она вскакивает на ноги, хватая Ариена за руку и тянется ко мне.

– Вы оба, вставайте. Мы должны...

Земля раскалывается, и от ударной волны мы все теряем равновесие. На месте круглой печати, которую Кловер начертила в грязи, теперь зияет открытая рана.

Роуэн приближается к нам. Он хватая меня за руку и начинает тянуть назад. Я борюсь с ним.

– Ты не можешь, ты не сделаешь с ним этого!

Он не отвечает. Его взгляд устремлен на Кловер, на Ариена, на гудящую землю.

Волшебные ленты протягиваются между их пальцев. Кловер притягивает Ариена к тому месту, где земля разошлась. Ее магия искрит вокруг них, пока она пытается помочь ему направить тени обратно в землю.

– Ариен! – кричу я. – Остановись!

Озеро бурлит, и поток воды заливается в рану в земле. Она каскадом падает во тьму. Ариен прислоняется к Кловер. Они оба вжимаются в грязь, и она накрывает его руками. А земля под ними все больше раскрывается, все расширяется и расширяется.

Я не могу позволить им это сделать. Похоже, что эта... как Роуэн говорил? Гниль? – как будто она сопротивляется. Как будто она хочет защитить себя от того, что пытаются сделать Кловер и Ариен.

Я в отчаянии тянусь к Ариену, но Роуэн крепче сжимает мою руку. Я не могу освободиться.

– Нет, – хрипит он с мольбой в голосе сквозь учащенное дыхание. – Нет. Нет. Нет.

Мое сердце колотится от ужаса, когда грязь полностью охватывает руки Ариена. Она покрывает его запястья, предплечья и поднимается, пока он не погружается в нее по локти. Его лицо в сантиметре от нее. Обрывки теней – магии – движутся и кружатся под его кожей. Оскалив зубы, он корчится, мышцы его шеи напрягаются.

– Прошу!

По моим щекам текут слезы.

– Пожалуйста, это же его убьет!

Ариен начинает кричать.

Звук раздается сразу и отовсюду. Это не его голос. Это вообще не похоже на то, что я когда-либо слышала. Даже когда его охватывали худшие из его грез. Крик, рев, вой – все сразу. Крики наполняют мои уши, мою кровь, весь мир.

Роуэн отталкивает меня. Он идет к разлому, грубо хватая Ариена за рубашку, поднимает его на ноги и отводит от воды. Я бросаюсь вперед и ловлю брата на руки. Моя нога подворачивается, и мы вместе падаем на землю.

Я крепко прижимаю его к себе. Он перестал кричать. Его глаза пусты.

– Я с тобой.

Убираю его волосы с влажных от пота щек, оставляя пальцами темные полосы грязи на его коже.

– Я с тобой.

Кlover стоит рядом с Роуэном на краю раны.

– Тебе придется... – Она замолкает, на ее лице появляется боль.

Роуэн снимает плащ и небрежно бросает его в грязь позади себя. Его рука движется к его запястью, пальцы цепляются за край рукава. Он закатывает его выше локтя, обнажая кожу над черной линией перчатки.

В руке у него раскладной нож. Маленький и аккуратный. Он разворачивает его быстрым, отработанным движением. У ножа есть острый посеребренный край. Он блестит, отражая угасающий солнечный свет. От ужаса у меня скручивает живот.

Роуэн прикладывает лезвие к своему запястью.

Все происходит так быстро. Я словно вижу отдельные части происходящего.

Его кожа.

Нож.

Порез.

Он режет себя без колебаний. Этот образ – картина целиком – все еще стоит перед глазами, когда я наконец морщусь и закрываю их. Насколько же тверда его рука, когда он глубоко вонзает в нее лезвие и режет себя.

Роуэн становится в грязи на колени и толкает раненое запястье в землю. Из грязи вверх поднимается спираль и обвязывает его руку, обвивает его, поднимаясь все выше, пока не хватает за горло. Он остается совершенно неподвижным, даже не сопротивляется, потому что тогда его сразу потянет вниз. Его рука – та, которую он порезал, – теперь полностью зарыта в землю. Его голова наклоняется, рот открывается, и щупальца тьмы скользят внутрь.

– Роуэн, – я шепчу я его имя с резкими нотками обиды в голосе.

Его голова резко поднимается. Наши глаза встречаются. По бокам его шеи кожа покрыта темными прожилками. Шиповидные шрамы, обвивающие его шею, яростно вздымаются. Его глаза багровеют и наливаются кровью, зрачки становятся огромными и черными.

Это та тьма, которую я увидела, когда впервые встретила его. Скрытые тени, которые всегда с ним. Теперь они здесь, на виду. Я смотрю, как он меняется, как его взгляд становится холодным, как его настигает дикий, жестокий голод.

Он смотрит на меня, не моргая.

– Виолетта.

Он впервые произносит мое имя. Его голос подобен шипению волн, которые бьются о берег.

– Виолетта, уходи отсюда немедленно.

Я забываю обо всем вокруг. Я не слышу шума озера. Не ощущаю дрожи земли. Голос Clover, напуганный и настойчивый. Я позволяю всему этому исчезнуть. Осталась только рука Ариена – наша кожа вся покрылась грязью, его пальцы похолодели. Я встаю. Двигаясь, как лунатик, он идет за мной.

Добравшись до места, где лес переходит в узкую полоску сада, мы почти сталкиваемся с Флоренс, которая идет из дома. Я прохожу мимо нее. Она зовет нас, но я не останавливаюсь. Я не поворачиваюсь.

Я крепко беру Ариена за руку и начинаю бежать.

Седьмая глава

Рука об руку, в тишине, окруженные деревьями, мы как будто снова в лесу у дома на обочине дороги. Теперь, когда я знаю правду, мне жаль, что я повернула назад той ночью. Когда волк ранил Роуэна, мне следовало оставить его там, на коленях, взять Ариена и бежать далеко-далеко.

Я тащу Ариена в заброшенный, заросший сорняками сад перед домом. Прислоняюсь спиной к стене и пытаюсь отдышаться. В моей голове зреет план. Мы побегим по подъездной дорожке к тому месту, где арочные железные ворота выходят на дорогу. Если мы будем следовать по ней достаточно долго, то найдем деревню, мимо которой мы проезжали, когда добирались сюда.

– Мы должны уйти, – говорю я Ариену.

– Мы не можем.

– О чем ты?

Он грустно смотрит на меня и закатывает рукав. На его запястье свежая выпуклая отметина из тонких линий, точно такая же, как символы, которые я видела на руках Кловер. Пальцами другой руки он сжимает ее.

– Мы не можем. Я не могу. Мне больше некуда идти.

– Ариен, – мой голос дрожит. – Ариен, нет.

– Ты все видела, Лета. Ты видела *меня*.

Он с отчаянием смотрит на меня. Черный цвет его глаз стал серебристым, но его пальцы все еще темные.

– Все те ночи, все то время, когда Мать говорила, что ей нужно меня исправить. Она причиняла мне боль. Она причиняла тебе боль. И я не мог ее остановить. Я ничего не мог сделать. Но теперь я могу. Я хочу остаться. Я хочу научиться использовать свою магию. Кловер меня научит.

– Значит, это и есть та помощь, которую обещал Роуэн?

Гнев наполняет мой рот еще более горьким привкусом, чем вчерашний чай.

– Кловер обучит тебя алхимии, а все, что нужно будет сделать взамен, – это рискнуть своей жизнью. Ты же видел, что Гниль сделала с Роуэном.

Я представляю его красные глаза, то, как он неподвижно сидел и не сопротивлялся, пока земля поглощала его, и меня снова наполняет ужас.

– Что, если и с тобой такое случится?

– Меня не волнует, насколько это опасно. По крайней мере, здесь меня никто не боится.

Ариен быстро отворачивается, его щеки краснеют. Слова повисают в воздухе. *Здесь меня никто не боится – кроме тебя.*

Я не хотела, чтобы он понял, что я на самом деле чувствую, но он понял. Конечно, понял. А теперь он пришел к монстру, который дает ему то, чего я не могла. Тому, кто смотрит на его тени – его магию – и не боится.

Слезы, которые я до этого сдерживала, начинают течь по щекам.

– Все, чего я хотела, это защитить тебя.

Ариен кладет руку мне на плечо. Он собирается что-то сказать, но вдруг из темноты за домом раздается звук. Я на цыпочках подхожу к стене и вижу, как Роуэн возвращается внутрь, а Флоренс помогает ему идти, обхватив за талию. Его голова опущена, лицо скрыто волосами.

На камнях за ними остается след темной крови.

Кlover с фонарем устало следует за ними. Она вся в грязи: грязь в волосах, на очках, на лице. Она поднимает взгляд и замечает меня. Слышу, как она что-то шепчет остальным и подталкивает их вперед.

Она огибает дом и подходит к нам. Касаясь щеки Ариена, бросает на него обеспокоенный взгляд:

– Пожалуйста, не уходите.

Он слабо ей улыбается:

– Мы никуда не уходим.

Я встаю между ними:

– Черт побери, Ариен. Как ты можешь вести себя так, как будто Роуэн давал тебе выбор?

Он тебя преследовал и угрожал!

– Виолетта, все совсем не так, как выглядит.

Кlover накручивает на грязные пальцы свою косу.

– Ритуал не должен был пройти *так*.

– Какая именно часть не должна была произойти? Когда земля раскололась или когда Лейкседжский монстр порезал себя, чтобы накормить это существо? – шиплю я сквозь зубы. – Я хочу знать, что происходит. Я хочу знать правду.

– Это не так-то просто объяснить.

– Ты помогаешь тому, кто убил всю свою семью. И вы заставили моего брата использовать темную магию. Хорошее начало?

Ариен переводит взгляд на меня:

– Лета, это не ее вина.

Я раздраженно пинаю землю, зная, что должна извиниться. Но даже учитывая, что Ариен прав и в том, что только что произошло, не было вины Clover, я все равно злюсь. На нее, на всех.

– Ты можешь хотя бы попробовать объяснить мне, чем вы тут занимаетесь?

– Ты права, Виолетта. Ты заслуживаешь знать. Ты ведь видела отравленные деревья, не так ли? – спрашивает Clover. – Роуэн рассказал мне о том, что случилось в лесу по дороге сюда.

– Да. И миндальная роща возле нашей деревни тоже была отравлена. Но не говори мне, что Гниль – это то же самое, что отравленное дерево.

– Это одновременно и так, и не так.

Она протягивает обе руки вперед и двигает ими так, будто что-то взвешивает в ладонях.

– Есть свет, есть тьма, и обычно они уравнивают друг друга. А когда они выходят из равновесия – это словно миру наносят рану. Эта часть мира, земля у озера, отравлена. Роуэн

сказал мне, что послал Флоренс сжечь деревья в том лесу. А что сделали с рошей возле вашей деревни? То же самое?

– Да. Хранитель приказал сжечь ее.

– Гниль – не такая. Никто не может просто уничтожить ее, стереть с лица земли. Но в Майлендсе я изучала отравленные деревья и создала заклинание, которое может их вылечить. Так что их больше не надо сжигать.

На меня нахлынули воспоминания о далеких днях, которые я пыталась забыть. Середина зимы. Мои родители лежат на земле возле нашего дома. Стены в огне. Он вспыхивает оранжевыми искрами на фоне холодного ночного неба.

Я качаю головой, отгоняя эти мысли.

– Итак, вы планируете избавиться от Гнили в Лейкседже с помощью этого твоего заклинания? А что насчет крови?

Я потираю запястье, думая о том, как Роуэн достал нож. Какой ужасной была та решимость, с которой он себя порезал. Как будто ему даже не было больно.

– Это тоже часть твоего заклинания?

– Да. Она реагирует на его кровь, поэтому мы используем ее во время заклинания.

Кловер спокойно встречает мой взгляд. Я сглатываю, чувствуя дурноту. *Его кровь.*

– Каждое полнолуние мы с Роуэном пытались исправить Гниль. Но пока это ни разу не сработало.

Ариен выходит вперед и протягивает руки.

– Потому что чего-то не хватало. Магия Кловер – светлая, и моя... темная. Мы уравниваем друг друга.

Кловер слабо ему улыбается:

– Ни один алхимик не может сотворить такую магию, какая есть у тебя. Это действительно наш единственный шанс.

Она запрокидывает голову, пока та не упирается в стену, и тяжело дышит в жаркую, усталую ночь.

– Я уверена, что мы сможем это сделать, если будем работать вместе.

Я помню, как она выглядела во время ритуала: стиснутые зубы, пальцы сжимают запястье Ариена. Тогда я сочла ее безжалостной, но теперь она выглядит маленькой и измученной.

Я снова думаю об отравленной роше в Греймере. После того как деревья сгорели и пепел остыл, все собрались вокруг поля. Зажгли свечи. Мы клали руки на обугленную землю и смешивали золу с землей, пока читали осеннюю молитву. Затем, в следующем году, мы посадили много деревьев. Они выросли, и вскоре стало казаться, что так всегда и было.

Может ли Ариен сделать то же самое? Использовать свои тени, чтобы исправить Гниль, превратить почерневший берег и чернильно-темное озеро обратно в песок и чистую воду?

Я поворачиваюсь и кладу руку ему на плечо.

– Ариен. Пожалуйста.

– Я хочу это сделать, Лета. Я хочу помочь.

Он смягчает голос и смотрит на меня серьезно.

– Роуэн спас тебя тогда в лесу. Ему не нужно было возвращаться за тобой, но он вернулся.

Я резко смеюсь.

– Он спас меня только потому, что хотел, чтобы ты ему помог.

– Ты правда так думаешь?

Я закрываю глаза и думаю о Роуэне, о том, как он разговаривал со мной на опушке леса. Как его большой палец задел синяки на моем запястье.

– Он хотел, чтобы мы чувствовали себя в долгу.

Ариен вздыхает.

– Или, может быть, он беспокоился о тебе.

– Если мы останемся... – я делаю паузу, позволяя чувствам улечься, – это будет ради тебя, Ариен. Потому что ты хочешь быть здесь, а не потому, что мы ему что-то должны.

Ариен приподнимает подбородок.

– Я хочу быть здесь, Лета.

Глаза Кловер полны надежды.

– Тогда возвращаемся в дом?

Я боюсь, что голос будет дрожать, и сглатываю. Чувствую вкус золы и соли.

– Да.

Мы идем ко входной двери. Прежде чем зайти внутрь, я смотрю на дом. Везде темно, кроме одного из самых верхних окон, залитого слабым светом. Вроде того света, который исходит от почти догоревшей алтарной свечи. Я представляю себе Роузена, запершегося в своей комнате. Его рука порезана. Прожилки тьмы исчезают с его кожи.

В коридоре тихо и спокойно. Мне кажется неправильным, что мы снова здесь, а не уезжаем подальше от Лейкседжского монстра и его ужасного проклятого поместья.

Кловер ведет нас мимо рядов закрытых дверей. Я смотрю на виноградные лозы, вырезанные на деревянных панелях стен, на узорчатые обои. *Теперь это твой дом.*

Я стискиваю зубы и пытаюсь ощутить трепет и удивление, которые испытывала вчера вечером, когда мы прибыли. До моих снов о чернильно-темной воде и шепчущихся голосах. Когда я увидела поблекшее очарование дома и почувствовала, что он может быть мне другом.

После темноты коридора освещенная лампами кухня кажется слишком яркой. Я стою в дверях и упираюсь плечом в деревянную раму. Нужно дать глазам привыкнуть.

Кухня наполнена паром от кипевших до этого кастрюль. По столу разбросаны бинты. Рядом лежит эмалированная миска. Дно залито чернильно-темной жидкостью, в которой скомкана окровавленная ткань. У меня скручивает живот. Я быстро отворачиваюсь от нее в сторону.

В комнату влетает Флоренс. Она измазана грязью в том месте, где к ней прислонился Роуэн, и на плече видна полоса крови. Она оглядывает нас, проводит рукой по кончикам волос и вздыхает.

– Так.

Она снова вздыхает.

– Вам всем нужны ванна, ужин и около десяти лет сна. Садитесь.

Она начинает убирать со стола и, шелестя юбками, входит и выходит из комнаты. Запихивает бинты обратно в корзину, берет ту отвратительную миску и выносит на улицу. Стоящий рядом Ариен слегка покачивается, а затем, пошатываясь, падает на стул.

Я сажусь рядом с ним.

– Это ужасная идея.

– Ну не знаю, – вставляет Кловер. – Мне понравилась часть про ужин.

Я закрываю глаза и тру пальцами виски. У меня болит голова. Платье прилипло к коленям, и от сочащихся порезов на нем образовалось два темных пятна.

Весь мой прежний испуг и паника превратились в холодный шок, и я начала дрожать. Все, что я видела сегодня вечером, было похоже на ужасный сон. То, как я бежала к озеру, к почерневшей земле. То, как появилась эта ужасная бездонная рана.

Это все кажется нереальным. То, что мы остаемся здесь. Что собираемся помочь монстру в борьбе с тьмой.

Чайник начинает свистеть. Флоренс ставит на стол новую миску и дает каждому из нас по чистой, аккуратно сложенной ткани. Она наполняет миску горячей водой и насыпает сушеные травы, а затем горсть соли. Вода дымится. Когда травы настаиваются, а соль растворяется, воздух наполняется горечью.

Кlover расстегивает рукава расшитого платья и закатывает их. Когда вода достаточно остывает, она берет ткань, погружает ее в миску и начинает стирать с себя грязь. Затем и Ариен откидывает рукава и начинает вытирать руки.

Когда он заканчивает, я погружаю в воду свою ткань. Я вся грязная, но изо всех сил стараюсь смыть грязь с рук. Кожа под ней мягкая. Как волдырь, ожог. Я смотрю на Ариена. Его руки такие же. Покрасневшие и болезненные там, где его коснулась грязь.

Я думаю о Роуэне, низко склонившемся над землей. Как щупальца тьмы жадно покрывали его руки, лицо. Если эти маленькие следы Гнили ранили нас так сильно, что же чувствовал он? Я хватаюсь за гладкий край кухонного стола и пытаюсь сдержать дрожь.

– Сколько еще раз вам придется это делать? – спрашиваю я Ариена. – Неужели все это того стоит?

Флоренс ставит передо мной тарелку.

– Роуэн делает это не для развлечения, Виолетта. Он никого не просит рисковать больше его самого.

Я вздыхаю и беру вилку. Мой желудок пустовал достаточно долго, чтобы начать жадно урчать при виде еды. Зеленый крапиво и сахарный горошек, земляника, порезанные полумесяцем и посыпанные солью помидоры. Летняя еда. Мы ели такую в доме, когда было слишком жарко, чтобы разводить огонь.

Потом мы беремся за чай. Clover разливает по чашкам пузырек с зеленой жидкостью. Он шипит и дымится.

– Знаешь, у него отвратительный вкус, – говорю я ей.

Она выглядит обиженной.

– Это лекарство!

Ариен сдерживает смех, приложив ко рту ребро запястья.

– Лета права. Как то, что так приятно пахнет, может иметь такой неприятный вкус?

– Это и не должно быть приятным на вкус. В любом случае тебе это недолго понадобится. Чем больше ты используешь свою магию, чем больше учишься ею управлять, тем меньше грезишь.

Я верчу чашку в руках.

– Тогда зачем ты мне его дала? У меня-то нет магии.

– Это в любом случае помогает заснуть. Вот почему Роуэн его пьет.

– Я не думаю, что оно работает. Прошлой ночью мне снились ужасные сны.

Я быстро пью чай и стараюсь не обращать внимания на горький привкус. Ариен тоже проглатывает его, скривив лицо.

– В другой раз ритуал будет проще, – говорит Clover. – Мы сможем повторить попытку только в следующее полнолуние. У нас есть время подготовиться. Эта попытка...

– ...была катастрофой.

– Лета, я не хочу спорить об этом.

Ариен ковыряет край рубашки в том месте, где манжеты покрыты грязью.

– Я им нужен.

– Ты должен позволить Роуэну самому бороться со его собственной тьмой, – говорю я.

Флоренс садится и опирается локтями о стол. Она смотрит на меня ровным взглядом.

– Что бы ты ни слышала о Роуэне – все эти истории – это неправда.

– Ты имеешь в виду, что он не убивал всю свою семью?

Ее рот сжимается.

– Он не жестокий, Виолетта, – тихо говорит Clover. – Он хочет помочь твоему брату, а не навредить ему. Да, нам нужна магия Ариена для моего заклинания, но взамен я научу его алхимии. Разве ты не хочешь, чтобы он учился?

В горле встает ком. Я смотрю на пальцы Ариена, потемневшие от теней. Эти отметки напоминают мне о том, как он был маленьким и Мать дала нам кусок теста, чтобы мы попробовали сделать из него хлеб. Я сказала Ариену присматривать за печкой, а затем вернулась из сада и обнаружила, что все дымится и хлеб пригорел. А он стоял и наблюдал. Но мы все равно его съели. Намазали мед на почерневшие края. Было сладко и замечательно.

Этот обожженный черный хлеб с капельками меда... Нежные руки Ариена, изливающие темную магию... Все это время я хотела уберечь его от темноты. Но теперь кажется, что единственный способ для него быть хоть и не в безопасности, но счастливым – это призывать тени, а не прогонять их.

– Прости.

Я сжимаю его руку.

– Я люблю тебя.

Его наполненные слезами глаза мерцают в свете огня.

– Я тоже тебя люблю, Лета. И я знаю, что ты беспокоишься обо мне, но я хочу сделать это.

Он приподнимается.

– Если я смогу научиться использовать тени, управлять ими, то мне больше не придется бояться. Я хочу стать алхимиком.

Я устало наклоняюсь и расстегиваю ботинки. Мое платье испорчено, подол порван, остальная часть испачкана почерневшей грязью. Я подтягиваю юбки и стягиваю чулки. Ткань, обвязанная вокруг моих колен, высохла и стала жесткой и темной. Когда я разворачиваю ее, мои руки дрожат. Порезы выглядят ужасно. Моя кожа ужасно красная, вся в запекшейся крови.

При виде этого Кlover делает резкий вдох и обменивается испуганным взглядом с Флоренс.

– Я могла бы... – Кlover нервно смотрит на меня, – исправить это.

– Исправить? – Я смущенно смотрю на нее. *Исправить.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.